Артур Клинов

МИНСК: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГОРОДУ СОЛНЦА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Минск: путеводитель по Городу Солнца» белорусского писателя, художника и сценариста Артура Клинова – первая попытка психогеографического описания одного из самых загадочных городов бывшего СССР. Перед нами одновременно субъективная биографическая проза, историко-архитектурный путеводитель, художественный дневник с фотографиями и антропологическое исследование города-утопии.

- Артур Клинов
  -
  - 01
  - 02
  - 03
  - 04
  - 05
  - 06
  - 07
  - 08
  - 09
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

Артур Клинов
Минск. Путеводитель по Городу Солнца

…На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором расположена большая часть Города. <…> Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке Солнце, на нашем оке мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему Мощь, Мудрость и Любовь.

Томмазо Кампанелла. Город Солнца

© *Артур Клинов, 2013*
© *ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013*
© *Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Art Foundation, 2013*

01

Панорама Города Солнца

Я родился в Городе Солнца. Первое, что о нем помню, – огромная бетонная плита, на которую я пытаюсь забраться. Я карабкаюсь на эту холодную серую глыбу, цепляюсь за нее руками, ногами, зубами и когда, наконец, с большим трудом залезаю, передо мной вырастает еще одна такая же бетонная плита. Я забираюсь на эту другую, но появляется следующая, а за ней еще одна, и еще, и еще. Странная особенность памяти. Из всей кинохроники жизни она может отчетливо запечатлеть эпизод, который не является чем-то важным. Скорее она похожа на черно-белое кино, где большинство кадров – бегающие по экрану царапины и точки на черном или сером фоне. Однако время от времени, этот танец абстрактных линий прорезают пронзительно реалистичные картинки, которые не стираются, но остаются нетронутыми навсегда, до последнего перед надгробными титрами фрагмента фильма. Странно и символично, но именно кадры с бетонной плитой стали моей самой первой картинкой, первой вспышкой реального мира среди километров черно-белых царапин и пятен. Бетонная пирамида, на которую я пытаюсь забраться, – всего лишь лестница между вторым и третьим этажом нашего многоквартирного дома на улице Ломоносова. А карабкаюсь я к своему приятелю Игорю

Брандину, который живет этажом выше и также родился в Городе Солнца в том же 1965 году. Я еще не знаю, что этой весной первый человек земли вышел в открытый космос, «Битлз» совершает революцию в умах молодежи, что в Москве заговорщики из Политбюро сместили Хрущева, а тремя годами раньше человек из Города Солнца по имени Ли Харви Освальд отправился убить президента Кеннеди. Я просто иду в гости к своему другу, вернее ползу, так как ходить еще не умею. Поэтому ступенька кажется огромной, выше моего роста плитой, а лестница – гигантской каменной пирамидой. Дальнейшие события этого дня, как и большинства последующих, стерлись из моей памяти. По экрану опять забегали белые пунктиры, линии и точки. Но бетонная плита так и осталась образом этого города, простым и загадочным, как черный квадрат Казимира Малевича.

02

Боги Города Солнца. Коммунист

Если ехать в Минск из Европы на поезде, то прежде чем вас встретит площадь Ворот Города Солнца, вам предстоит пройти через чистилище – первые Врата, что стоят на самой границе страны Счастья. Все поезда при въезде на ее территорию обязаны сменить колеса. По-своему это незабываемое, странное зрелище. Ночью, когда вы прибудете на границу (а большинство поездов из Европы проходит границу почему-то именно ночью), после паспортного и таможенного досмотра ваш вагон въедет в огромный длинный цех. Его эстетика осталась без изменений такой же, как несколько десятилетий назад. Высокие закопченые окна, стены грязно-серого цвета, корявые, перекрашенные десятки раз, металлические столы для инструментов, башня крана, которая время от времени с шумом проносится над головой; множество куда-то ведущих темно-коричневых дверей. Из этих дверей, рассыпанных по всему периметру цеха, начинают появляться какие-то маленькие человечки, одетые в темные промасленные робы. Они недружелюбно посмотрят на вас, если в этот момент вы выйдете в тамбур покурить. Однако они вовсе не злые. Возможно, их слегка раздражает, что в такой поздний час, в этом полутемном грязном цеху им приходится бить по металлу

тяжелыми молотками, тягать пудовые крюки и двигать колесные оси. А вы, такой чистенький и вальяжный, едете себе в страну Счастья, либо наоборот – такой счастливый – возвращаетесь назад в Европу. Если б вы пересекали границу лет двадцать назад, во времена сухого закона, эти же промасленные гномы охотно помогли б вам достать бутылку водки по двойной цене, пачку сигарет или пиво. Впрочем, пиво вы купите теперь и в вагоне, а черные человечки, громко крича и матюгаясь, приступают к работе. Многотонными домкратами они поднимают ваш вагон на высоту полтора-два метра и выкатывают из-под него колесные оси. В это время в цеху стоит дикий грохот, со всех сторон доносится оперный хохот работающих домкратов. Над головами присутствующих, из конца в конец, по цеху мечется консольный кран, на котором вот уже много лет висит одна и та же картина – на человека в каске падает что-то тяжелое. Вербальный смысл плаката понятен, его знает каждый ребенок: «Не стой под стрелой, убьет!». Однако, мне всегда казалось, что эта картина не соответствует торжественности момента. Лучше бы ее заменить. Самым веселым вариантом, пожалуй, был бы плакат: «Добро пожаловать в ад!» А если серьезно, то, конечно, на этом месте должен висеть транспарант из красного кумача, на котором большими белыми буквами было б написано: «Добро пожаловать в страну Счастья!». Тем временем черные человечки заканчивают работу. Они опускают вагон на новые колеса. А вы, довольный увиденным, продолжите путешествие дальше. Вперед – в страну Счастья. Навстречу Городу Солнца.

03

По сути, коммунистическая идея есть проект построения общества Счастья. Вряд ли человечество когда-либо формулировало более романтическую и благородную социальную доктрину. Равенство, Братство, Справедливость, Гармония. От каждого по способностям – каждому по потребностям. Рай на земле. Место, которого нет.

Боги Города Солнца.

Утопия. Счастье так и осталось девственным понятием в философии. Не потому ли, что каждый философ знает – счастья нет. А раз так, то не лучше ли заняться поисками не счастья, а смысла. А если счастье все-таки есть, то его ощущение слишком индивидуально, чтобы поддаваться какому-то обобщению. Богатство, Власть, Удовольствие, Обладание, Внутренняя Гармония, Социальная Гармония, Любовь к Женщине, Любовь к Ближнему, Любовь к Богу. Не слишком ли много оснований, чтобы дать универсальное определение? Даже если счастье в чем-то одном, все равно оно преходяще, как недолгая эйфория, за которой наступает опустошение. Пожалуй, оно вещь в себе, проникновение в которую невозможно, но желание обладать так огромно. Только утопия не побоялась взяться за осмысление

счастья. Попыталась сконструировать общество, где каждый человек должен ощущать себя максимально счастливым. Для этого нужно лишь все основания слить в одно – Богатство, Удовольствие, Обладание, Внутреннюю и Социальную Гармонию, Любовь, Любовь к Богу соединить в проекте Города Солнца. Что может быть соблазнительней общества Счастья? Разве это не квинтэссенция мечты человечества об идеальном устройстве мира? Искушение иметь рай на Земле, а не в трансцендентном мире. Тем более что рай там всегда под сомнением.

04

В XVI веке Томас Мор написал книгу об обществе социальной гармонии, об острове Счастья, который назвал Утопия, или с латыни *Место, которого нет.* Веком позже итальянский монах Томмазо Кампанелла сочинил трактат об идеальном Городе Солнца. Он написал его сидя в испанской тюрьме, выводя призыв к справедливому мироустройству букву за буквой, перебитыми в пытках онемевшими пальцами. Вряд ли человек может иметь большее желание возвести Город Счастья, чем когда его постигает безмерное несчастье. Может ли быть у человека большая жажда торжества справедливости, чем когда он встречает крайнюю несправедливость? Ни один пребывающий в несправедливости и несчастье народ не будет избавлен от мечты возвести Город Счастья. Однако, когда он приступит к его созиданию, то должен знать, что возводится Город, которого нет. Общество Счастья – всего лишь сладкий сон, солнечный Город грез, земля под метафизическим, а не реальным Солнцем. Утопия никогда не станет реальностью. Но если мир вокруг нас – не то что он есть, а то, что мы о нем мыслим, то, если мы помыслим Бога, Бог будет. Если мы коллективно помыслим общество Счастья, оно придет. Утопия может воплотиться в реальность. Для этого достаточно возвести грандиозную декорацию, великолепную сценографию общества Счастья. А потом заставить общество поверить в нее как в реальность. Те же, кто не захочет поверить, должны умереть. Тогда те, кто не верит, но побоится смерти – замолкнут. Но большинство поверит. Поверит искренне, всем сердцем, так что уже через одно поколение общество проснется в счастливой стране. Утопия – остров, которого нет, воплотится, если сон станет сильнее реальности. *Ego me no fallo!* Я знал этот сон! Я родился в солнечном городе Грез, где было два города – общество Счастья, в которое верили, и сам Город. Первый город растаял, второй остался памятником недостижимому, грандиозной сценографией к романтической возвышенной пьесе под названием «Счастье». Утопия стала реальностью. *Остров, которого нет,* был! Тому есть два свидетеля – Город Солнца и я.

05

Когда вы приедете в Минск из Европы на поезде, Город Солнца встретит величественной площадью Ворот. До этого двадцать минут ваш вагон будет пробираться через заводские предместья Города Солнца. Они повернуты к зрителю длинными коридорами высоких заборов, старых пакгаузов и землистых цехов. На площади Борот расположен главный вокзал Города. Когда-то их было два, но позже направление с севера на юг угасло, зато с запада на восток усилилось настолько, что площадь Ворот, с находящимся на ней вокзалом, стала средоточием не затихающей и к ночи жизни Города Солнца. Здесь непрерывно на восток идут поезда, направляющиеся из Берлина, Парижа, Брюсселя, Праги в столицу бывшей империи счастья Москву. Раньше тут стоял старый вокзал, построенный в сороковые годы. Но когда он уже не справлялся с масштабами здешней жизни, его снесли и возвели новое здание, напоминающее гигантского краба, на многочисленных ярусах которого разместились десятки круглосуточных магазинов, кафе, залов ожидания и ресторанов.

Боги Города Солнца. Крестьянка

Площадь Ворот встретит вас двумя пирамидальными башнями-близнецами, по углам среднего яруса которых стоят

восемь статуй часовых Города Солнца. Хранители Города вернулись на свое место недавно. В моем детстве их уже не было на башнях. Но я помню, когда знойными летними днями мы бесцельно слонялись по пыльным закоулкам Города Солнца, они все равно пугали нас своим присутствием. Некоторые из них лежали, поваленные набок, в огромных арках, что соединяли площадь с придворцовыми парками, располагавшимися с другой стороны башен. Над арками висели черные, покрытые копотью чугунные медальоны с барельефами паровозов и большими пятиконечными звездами в центре. Локомотив всегда был символом страны Счастья. Во многих фильмах моего детства он летит, огромный, во весь экран, к светлому будущему, а спереди не нем сияет красная пятиконечная звезда. Раньше в одном из парков за башней даже стоял детский паровоз с маленькими вагонами. Но мы в нем играли редко. Обычно там сидели какие-то хмурые мужики и что-то пили. Он весь был усеян окурками и пробками из-под бутылок, которые пестрым ковром лежали вокруг вагонов. В моем детстве над арками еще не висели металлические сетки, которые появились по всей длине выходивших на площадь дворцовых фасадов позже, когда их пышная лепнина начала понемногу осыпаться. Иногда она падала на головы случайных прохожих. Возможно, именно об этом предупреждал знак с первых врат страны Счастья. От площади Ворот в глубь Города уходят пять улиц. Первая ведет к западной стороне площади Ленина. Вторая – к улице Карла Маркса, пророка, создавшего *Das Kapital,* священную книгу общества Счастья. Третья уходит к улице Кирова, героя, который хотел стать метафизиком, но был убит другим метафизиком – Сталиным, в Ленинграде, другом священном городе страны Счастья. Четвертая улица ведет к гигантскому амфитеатру Дворца физической Культуры. Трибуны Дворца уходят под землю, поэтому его аркады величественны, но не столь высоки, как стены римского Колизея. Зато над каждой второй аркой амфитеатра помещается круглый медальон с изображением атлета. В погожий солнечный день их античные тела резвятся в облаках, плывущих над Городом Солнца. Пятая улица уходит из Города. Она ведет в заводские предместья, где начинается иной город, тот, которого не должен был видеть зритель, въезжавший в страну Счастья.

Фасады площади Ворот

06

История Города Солнца началась задолго до появления общества Счастья. В то время, когда на другом конце континента Томас Мор пишет книгу об острове Счастья, которого нет, здесь, в стране, которая еще есть, начинают происходить события, предопределившие появление Города Солнца. До этого Великое княжество Литовское являлось огромной державой, раскинувшейся от Балтийского до Черного моря. Название княжества происходило от здешнего племени литва, жившего к северо-западу от Новогрудка. Там же, в городе Новогрудке была заложена и столица, которая позже переместилась в Вильно, другой священный город этой земли. Великое княжество Литовское населяли народы, говорившие на множестве языков. Его наполняли религии – почти все из существовавших в это время в Европе, каждая из которых жила в мире на этой земле. Страна могла стать империей, но не стала. А быть демократией в окружении империй опасно. В конце концов, это ее и сгубило. Злоключения Великого княжества начались в конце XV века, когда окрепшее после татарского ига Московское княжество начинает выдвигаться на запад. Прошли почти два столетия затяжных истощающих войн. В 1569 году измотанное в шести войнах с Москвой княжество Литовское заключило унию с королевством Польским для совместного противостояния ударам с востока. Образовалась Речь Посполитая – союз двух стран и народов, которые впоследствии по-братски разделят двести лет колониальной истории. Войн было много, но эта стала особой. Она началась в 1654 году, длилась тринадцать лет и забрала каждого второго жителя страны. На востоке встречались места, где из десяти выжили только трое. Княжество Московское начало ее, когда Литва была истощена после хаоса казацких восстаний и большой Тридцатилетней войны с королевством Шведским. В начале века королем Речи Посполитой стал Жигимонт III из династии Ваза. Лишенный престола на родине, он начал войну, пытаясь вернуть корону. Одновременно в стране шла гражданская война. Многие были за союз с Севером, считая войну с Швецией фатальной ошибкой, ослабляющей силы в борьбе против главного врага. События этого смутного времени названы после Потопом. Для Великого княжества это был действительно потоп – неуправляемая катастрофа, которая вела страну к гибели. Титаник, что раскинулся от моря до моря, шел ко дну, имея в своем теле за два столетия девять пробоин – девять больших войн, одна из которых стала смертельной.

07

Площадь Метафизика. Дворец Республики

Площадь Метафизика. Колонны

В детстве меня пугали огромные пространства Города Солнца. Не то чтобы мне было в них страшно, но со всех сторон они продувались ощущением тревоги. Возможно, причина в

особом восприятии маленького человека. Когда твоя линия горизонта проходит не на отметке метр семьдесят, а гораздо ниже, предмет, который взрослому представляется нормальным, тебе может показаться намного более угрожающим. Когда тебе всего шесть, а ты стоишь среди этих пустынных пространств под палящим солнцем – а в этом Городе солнце всегда было изнуряюще палящим, потому что до ближайшей тени, в которой можно укрыться, нужно пройти не десять шагов, а во много раз больше – тебя невольно охватывает ощущение какого-то беспокойства. Ты чувствуешь, что тело – ничтожно малая величина в этом необъятном пространстве, под этим пронзительно синим небом, по которому медленно и величественно проплывают странным образом деформированные Аполлоны, Венеры, Амуры, гигантские конские головы, канелюры, античные вазы. Время от времени, когда солнце, облако и пространство, где ты стоишь, оказываются на одной линии, по площади скользит огромная тень. Ты видишь, как она появляется сначала на стенах зданий, стоящих вдалеке, на другом конце площади, спускается вниз и медленно двигается на тебя, окрашивая серым расбеленную охру лежащего перед тобой асфальта. Через мгновение она настигает тебя, на какое-то время зной исчезает, становится легче дышать, но еще через мгновение солнце возвращается в той же последовательности, как появлялась тень. И ты снова стоишь на палящем солнце под этим бездонно синим небом. Лето всегда приходило в наш Город внезапно. Оно появлялось сразу же после долгой зимы, вытесняя собой тот коротенький промежуток, который принято считать весной. На самом деле в этом городе было только два времени года. Зима, которая наступала где-то в конце октября и лежала прогорклым серым снегом до начала апреля, и лето, которое врывалось палящим стронцием в начале мая и переливалось желтым кадмием и охрой до конца сентября. То, что находилось между, – эти несколько недель неопределенности – называлось осенью и весной. В Городе Солнца было удивительное небо. Я любил, когда оно становилось глубоким, насыщенным кобальтом. Тогда по нему величаво проплывали эти бесчисленные белые статуи ватных богов, которые удивительным образом гармонировали с архитектурой Города. С пустыми колоннадами коринфского ордера, величественными арками и обелисками, не до конца понятного мне сакрального смысла. В такой день Город был полон глубоких контрастных теней. Нигде более я не встречал таких теней, как в Городе Солнца. Пространство любого европейского города слишком тесно, слишком насыщено, чтобы тени могли так рельефно себя прорисовать. Здесь же они

вырывались на волю и творили феерию графических танцев, свободу которых не сдерживало пресыщенное пространство утомленного архитектурой европейского города. Много лет позже, став художником, я полюбил живопись де Кирико и Дали. В их картинах было что-то созвучное моим смутным воспоминаниям, ощущениям мальчика, который стоит на пустынной площади среди пляшущих теней Города Солнца. Однако бывали дни, когда небо окрашивалось не в кобальт, а становилось серо-ультрамариновым маревом. Будто мутная пленка обволакивала город. Солнце через нее пробивалось, но не давало теней. Они становились неопределенно размытыми. В такие дни было трудно дышать. Воздух насыщался влагой, и липкая вязкость, как смог, накрывала весь Город. Тогда любое движение требовало двойного усилия, а легкое облегчение приходило, лишь когда солнце закатывалось за горизонт и Город погружался в спасительную прохладу ночи. В редкие дни над Городом Солнца бывало абсолютно безоблачное небо, какое можно увидеть в Испании. С севера и юга, с запада и востока Город окружали бесчисленные болота, которые порождали особый климат. Воздух в нем влажный всегда, а любая жара или холод переносятся тяжелее, чем зной у моря или стужа где-нибудь в глубине континента.

08

В начале XVIII века снова пришла война. Она стала самой бессмысленной из всех войн на этой Земле. Продолжалась она двадцать лет и забрала каждого третьего жителя этой страны. Врагом в ней являлся тот, кто должен был стать союзником, а союзником – тот, кто всегда был врагом. Многие, понимая это, поделились на тех, кто принял сторону первых, и тех, кто вторых. На палубах тонущего колосса продолжалось братоубийство, а страна умирала, теряя силы, города, жизни. Антишведская коалиция победила, но для Польши и княжества Литовского эта победа была равна поражению. Истощенная войной Речь Посполитая полностью ослабла. Дни до окончательной катастрофы были сочтены. Во второй половине XVIII века начинаются разделы Речи Посполитой между тремя империями. Страна, которая могла себя сохранить, только став империей, стала демократией раньше отведенного историей срока и уже не имела сил противостоять разделам. Восстание под началом Тадеуша Костюшки не остановило запущенный механизм – началась двухсотлетняя колониальная история народов Речи Посполитой.

09

Если приехать в Минск из Европы на автомобиле, первое, что вы увидите, – вереница спальных районов. Чтобы добраться до границы Города Солнца, придется проехать километров двенадцать по безликой застройке, такой же, как в любом большом городе мира. Город Солнца встретит вас гигантской площадью Мудрости, размеры которой так велики, что она могла бы вместить целый маленький город. В детстве площадь казалась мне невероятно огромной. Автобус тридцать восьмого маршрута, которым я уезжал, возвращаясь с занятии, делал здесь три остановки. Первая находилась перед въездом на площадь. Затем автобус появлялся с западного угла и медленно двигался по периметру. Он был старой модели и чем-то напоминал катафалк. В то время все катафалки в стране делали из автобусов. Это было удобно. Частных машин было не много, а он мог поместить в себя всю процессию. Проехав западную и половину южной стороны, автобус останавливался у высокой квадратной арки, от которой к площади Ворот уходила маленькая боковая улица. После этого он продолжал медленно объезжать периметр и делал остановку на другой стороне у Красного костела. Далее торжественно следовал к той улице, с которой въезжал, и покидал площадь. Главное сооружение здесь – ансамбль Дворца мудрецов, построенный зодчим Лангбардом в тридцатые годы. Дворец встретит вас сотнями жестких прямоугольников-глаз. Это супрематизм власти, которая все о вас знает, даже если вы случайный путник, ненароком забредший в солнечный Город. Геометрию власти завершает черная статуя Ленина, который смотрит на ту сторону Площади, где снуют фигурки прохожих. На этой же стороне их немного: здесь нет мест, к которым они могли бы идти. Все, что расположено на площади Мудрости – здания двух университетов, Дворец почты, правительство Города – находится в ведении Мудрости, одной из трех соправителей Метафизика. Конструктивистские фасады здешних дворцов несколько выбиваются из ампирной эстетики Города. Но объясняется это тем, что многие из них возводили, когда в стране Счастья господствовал жесткий стиль, еще не обретший свои декадентские формы. Тогда конструкции только закладывали. Украшать их начали позже. С площади Мудрости выходит проспект – главная ось Города Солнца. Широкой взлетной полосой она тянется на восток. На запад уходит улица, что ведет к прежнему Дворцу авиации. Это старый аэропорт, расположенный на самой границе. Теперь их два. Новый

построили в семидесятых – пятьдесят километров к востоку. Самолетов в Город сейчас прилетает немного, не более двух десятков, поэтому, если один из них доставит вас из Европы, вы увидите гигантское пустующее здание нового Дворца авиации, от которого по такой же пустынной, но очень широкой дороге вы отправитесь навстречу Городу Солнца. Тогда вы въедете в него с востока. Но это будет неправильно. Каждый путник должен попадать в Город только с западной стороны.

10

В детстве я не любил Город Солнца. Хоть наша первая квартира на улице Ломоносова и находилась на его территории, но это были уже сентиментальные окраины, за которыми лежал совсем другой город. В нескольких сотнях метров от нашего дома начинался район, который назывался Сельхозпоселок. В нем действительно было что-то деревенское. Небольшие деревянные дома с приусадебными участками, путаные лабиринты маленьких улиц. Говорили, что живут там цыгане, и вообще он опасен, так как кроме цыган там обитает много криминального элемента. Мне кажется, это были лишь слухи, во всяком случае опасности мы не чувствовали и с удовольствием зимой катались на санках с огромной горы, начинавшейся прямо на окраине поселка. Хотя, возможно, цыгане там жили. Время от времени из узких переулков выезжали какие-то чернобровые мужики на конных повозках и деловито направлялись к окраине Города. Наш дом был не дворцом, а обычным многоквартирным блоком, каких тысячи в этом Городе. Дворцы для народа в нашем районе встречались, но не так часто. Да и те не имели такого великолепия, как на проспекте. Зато недалеко от моего дома находился шикарный лепной забор большой воинской части, в которую упиралась наша улица. В детстве он казался мне очень длинным и высоким. Забор тянулся вдоль улицы более чем на полкилометра. Через каждые двадцать детских шагов его прорезал фигурный пьедестал, который венчал неправильной формы рельефный шар, похожий на кочан гипсовой капусты. Из-за ограждения виднелись островерхие крыши длинных, желтого цвета казарм и доносились солдатские песни. Мальчишками мы бегали к забору их послушать. Конечно, нам хотелось взглянуть, что там происходит, но пьедесталы с капустой были такие высокие, что оставалось лишь слушать, как сотни ног, отбивая правильный ритм, маршировали с другой стороны. Иногда ноги топали параллельно забору, иногда их звук удалялся, затем приближался. Время от времени дружный топот прорезал звонкий крик: «Рота, запе-вай!» Тогда из-за забора доносилось стоголосое: «Идет солдат по го-ро-ду, по незнакомой у-ли-це, и от улыбок де-ви-чьих вся у-ли-ца светла!..» Сразу за забором начиналась улица, которая вела к проспекту. По ней мы ходили за продуктами в гастроном. В нашем Городе почему-то все продуктовые магазины назывались гастрономами, хотя выбор съестного в них никак не соответствовал такому гордому имени. Правда, Город Солнца снабжался провиантом лучше других городов страны Счастья. У

нас на прилавках все же лежало пять-шесть сортов колбасы. А встречались города, где колбасы не было вовсе, поэтому там магазины назывались просто – «Продукты». Все гастрономы в Городе, кроме тех, что находились на проспекте, походили друг на друга. Обычно это были длинные пеналы, одну стену которых покрывала белая кафельная плитка, а другая большими стеклянными окнами выходила в Город. Между плиткой и окнами один за другим стояли прилавки, по форме напоминавшие фортепьяно. Только вместо клавиш в них лежали бадьи с селедкой, палки колбасы или пирамидки, выстроенные из консервных банок. У «фортепьян» с колбасой всегда толпились покупатели, которые, когда давали какой-нибудь дефицит, нервничали и кричали: «Больше килограмма в одни руки не давать! Куда лезешь! Я тут занимал! Ничего не знаю, я стою вот за этой гражданкой!» Но содержимое прилавков меня мало интересовало. Обычно мы отправлялись в гастроном за мороженым и лимонадом «Буратино». Возле гастрономов, как правило, располагался еще один важный стратегический объект – автоматы с газировкой. Мы бегали к ним выпить воды с сиропом за три копейки. Автоматы походили на Мойдодыров. Вытянутыми прямоугольными головами они стояли на улице парами или группами. Их удивленно открытые рты всегда как-то глупо пялились на меня, когда я засовывал в трапециевидную пасть руку, споласкивал граненый стакан и бросал внутрь головы три копейки. Она задумывалась на несколько мгновений, а затем с легким реактивным ревом наполняла стакан газировкой. Иногда голова думала долго, делая вид, что ничего не понимает. Тогда нужно было собрать пальцы в кулак и что есть силы двинуть по ее удивленной роже. Обычно это срабатывало. В стакан выплескивалась холодная с шипящими пузырьками вода, вкуснее которой не было на свете.

Улица Ульяновская

Дальше гастронома по улице, ведущей к проспекту, я выбирался нечасто. До него было еще более километра, поэтому мы ходили туда, если в кинотеатре возле нашего дома не показывали интересного фильма. Тогда мы отправлялись в другой кинотеатр, расположенный рядом с площадью Любви, в парке, названном в честь покорителей полюса парком Челюскинцев. Ходить в кино мы любили. Фильмы, которые крутили старые механические кинопроекторы в больших темных залах, открывали нам мир. Они показывали то, что мы редко видели по телевизору, – американские прерии с ковбоями и индейцами, Фантомаса, парящего над Парижем, старинные замки с Человеком в маске или Анжеликой – маркизой ангелов. Из телевизора мы скорее узнавали то, что нужно было знать о стране Счастья. Кинотеатр в парке назывался «Радуга». Это была украшенная витиеватой резьбой деревянная постройка – небольшой, пахнувший затхлостью старый дом со зрительным залом и рядами деревянных самооткидывающихся кресел. Если кто-нибудь во время сеанса покидал зал, то, прежде чем в темноту проникал свет из открывавшейся в парк боковой двери, раздавался характерный хлопок, будто кто-то ударял молотком

по деревянному полу. «Радуга» размещалась в самом начале парка, который на многие километры тянулся к предместьям. Сразу за кинотеатром уходили вглубь заросли высоких сосен, верхушки которых смыкались вверху в одно большое зеленое облако. Снизу их старые стволы больше походили на бесконечные отражения в круглой зеркальной комнате. Они бесчисленное количество раз повторяли себя, постепенно мельчая и исчезая в глубине темно-охристого уходящего вдаль пространства. Возле кинотеатра пролегала аллея, которая вела к чертову колесу – огромному вертикальному кругу с кабинками для зрителей, похожему на большое восходящее солнце с гербов страны Счастья. До появления американских горок чертово колесо, как его называли, было главным аттракционом в любом большом парке. Его металлические лучи с люльками на концах величественно поднимались над зелеными облаками *райских садов,* вращаясь подобно циферблату гигантских часов с двенадцатью замедленными секундными стрелками. Правда, парк Челюскинцев пользовался дурной славой, поэтому заходить вглубь мы побаивались. Говорили, что в нем орудует банда, которая насилует девушек, а потом убивает и пускает на пирожки. Поэтому, когда мы покупали в Городе пирожки с мясным фаршем, прежде чем съесть, разламывали посмотреть – нет ли там длинного человеческого ногтя с маникюром. Конечно, такой же чепухой была история о черной руке, которая летает по Городу и душит в темных подворотнях случайных прохожих. Или о негре-сифилитике, который макает свой член в стаканы в автоматах с газировкой, чтобы заразить весь Город сифилисом. Но в детстве мы в эти истории верили. Впрочем, парк Челюскинцев действительно был дурным местом. Там постоянно кого-то насиловали и убивали.

12

В нашем подъезде жили в основном еврейские семьи. Когда-то они составляли половину населения Минска, а синагог в Городе было не меньше, чем церквей и костелов. Потом пришла война. Их стало намного меньше, но все равно оставались кварталы, в которых я мог слышать долетавший со всех сторон специфический немецкий говор. В моем детстве многие еще помнили и говорили на идише. Естественно, мои первые друзья и первая любовь детства тоже были евреями. Хотя жили в нашем доме и другие семьи – белорусы, украинцы, русские, поляки и даже татары. В основном интеллигенция Города Солнца – инженеры, врачи, учителя. Пролетариев, работавших в заводских предместьях, у нас почти не встречалось. Я хорошо знал обитателей нашего и соседнего подъездов. С теми, кто жил в другом конце дома, был знаком хуже. Из них припоминаю дворничиху, подметавшую наш двор, и ее сына-дауна – высоченного роста детину, который всегда ходил по двору в каких-то странных штанах с расстегнутой ширинкой. Жили на том конце двора еще две набожные старухи в черных платках, которые подбирали бездомных котов. Обычно у них обитало не меньше десятка усатых, полосатых, хвостатых и бесхвостых, пушистых и облезлых васек, мурзиков, гош и иннокентиев. Я же жил с матерью и бабушкой. Мать была программистом и работала с вычислительной техникой, которая тогда только появлялась в стране Счастья. Техника эта быстро менялась, поэтому после работы она постоянно ходила на курсы повышения квалификации. Кроме того, она была коммунисткой и, как активист партийной ячейки, лектор общества «Знание», часто по вечерам читала пролетариям лекции о коммунизме, марксизме-ленинизме и текущем моменте в свете постановлений последнего съезда. Бабушка тоже работала допоздна, поэтому я довольно рано научился оставаться дома один и придумывать разные интересные для себя развлечения. А их было много. Я любил смотреть телевизор. Мать всегда говорила мне: «Ты слишком много смотришь телевизор, и вообще, не сиди к нему ближе трех метров, а то испортишь глаза». Но зрение я все-таки испортил и уже в первых классах школы стал очкариком. По телевизору я смотрел почти все: художественные и документальные фильмы, программы новостей, партийные съезды, выступления Метафизика, «Кабачок „Двенадцать стульев“», «Спокойной ночи, малыши», «В мире животных», передачи о сельском хозяйстве, мультфильмы, телеверсии классических опер. Не смотрел я

только хоккей. Почему-то он всегда действовал на меня угнетающе. Не могу сказать, чтобы все это я смотрел с интересом. Просто телевизор был включен всегда. Я находил что-то неуютное в тишине пустой комнаты. А он открывал окно в параллельный мир, который успокаивал и радовал своим присутствием. Тем более, что под телевизор я мог заниматься другими делами. У меня имелась целая коллекция конструкторов, из которых я собирал все, на что хватало фантазии. Но больше всего я любил собирать города. Если не хватало конструкторов, я их создавал из всего, что попадалось под руку – книг, коробок, бутылочек, кубиков, пластилина, бумаги, шахматных досок. Когда город был построен, я заселял его плюшевыми мишками, пластмассовыми зайцами, шахматными фигурами, оловянными солдатами и начиналась война. Иногда городов возводилось два. Тогда они воевали между собой. Если же один, то на него нападали резиновые собаки и пустые флаконы из-под духов, а плюшевые мишки и зайцы его защищали. Но рано или поздно город разрушался. Если он получался очень красивым, то мог простоять несколько дней, но все равно должен был погибнуть. Старый город становился неинтересен. Хотелось его снести и возвести новый.

13

В детстве я не хотел стать космонавтом. Летчиком я тоже быть не хотел. Хотя многие мальчишки в нашем Городе об этом мечтали. Ведь летчики защищали страну от врагов. А космонавты вообще тогда казались богами. Каждый раз, когда кто-то отправлялся в космос, в страну приходил праздник. Я помню, как по телевизору прерывались передачи и во весь экран появлялась голова диктора. Голосом, чеканно отбивающим каждое слово, она торжественно заявляла: «ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ СОВИНФОРМБЮРО! СЕГОДНЯ В МЕЖПЛАНЕТНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАПУЩЕН ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК ЗЕМЛИ С ЧЕЛОВЕКОМ НА БОРТУ!» Вся страна замирала, прильнув к экранам.

Человек, который гуляет по крышам Города Солнца

Дикторша рассказывала подробности о корабле и космонавтах, которые им управляют. Позже, в девять вечера, в главной программе новостей «Время» показывали видеозапись с орбиты. В телевизоре появлялось мутноватое пространство космической станции. В нем плавали космонавты, немного похожие на больших рыб, вернее, на людей-амфибий из фильма «Человек-амфибия». Они подплывали к объективу видеокамеры и,

улыбаясь, что-то говорили землянам. Связь с орбитой была плохая, поэтому чтобы понять, надо было напрячь весь слух и внимание. Амфибии говорили, что полет идет нормально, сегодня они производили эксперименты с растениями и мушками-дрозофилами. Иногда для наглядности в руках говорившего появлялся какой-нибудь фикус в горшке, который, тоже, наверное, для наглядности, рука время от времени отпускала. Тогда фикус с горшком медленно и плавно улетал куда-то в верхний угол экрана. Мы следили за полетом все дни, пока космонавты оставались на орбите. Когда они возвращались, в телевизоре снова появлялась голова диктора и заявляла, что полет прошел нормально, космонавты уже на Земле. Через день-два на специальном самолете они прилетали из Байконура в Москву. Встречать их у трапа выходила Мощь, Любовь или Мудрость. Иногда сразу все. Раньше, после первых полетов, их встречал сам Метафизик. Я помню эту первую встречу, когда вернулся Гагарин. Меня тогда еще не было, но ее часто потом показывали по телевизору. Гагарин ехал в открытом лимузине по городу, улицы которого заполняли сотни тысяч людей. Они ликовали. А он улыбался и махал им рукой. По всему экрану, сверху на город летели маленькие бумажные прямоугольники, торжественно усыпавшие белым улицы, по которым он ехал. Я любил Гагарина. Но все равно не хотел быть космонавтом. Я мечтал стать художником.

14

В детстве Город Солнца пугал своей непонятной красотой. Лишь позже, когда я стал декадентом, мне открылся ее тайный смысл. А в детстве я любил Немигу. Она была центром прежнего Минска, его душой и телом, руслом, в которое с севера, запада и востока вливались притоки старых предместий. С юга она граничила с Городом Солнца, нависавшим над ней той частью проспекта, которая шла от площади Мудрости мимо Дворца госбезопасности в сторону парков. Когда-то тут протекала Немига, имя которой в переводе с литовского означает «бессонница», или «та, что не спит». Город возник на Бессоннице, которая, когда сюда пришла Империя, скрылась под землей – стала подземной рекой. К тому времени она пересохла от горя, от заклятья кровавых берегов, лежавшего на ней уже восемь веков, поэтому ее заковали в коллектор и пустили под Городом. На берегах Бессонницы и вырос район Немига. В детстве я часто бывал на Немиге. До того как научился оставаться дома один, освоил конструкторы и общение с телевизором, мать нередко брала меня с собой на работу. Она была начальником машиносчетной станции большой обувной фабрики, располагавшейся здесь же на Немиге. Я обожал отправляться к ней на работу, где, кроме сладких подарков от сотрудников матери, имелось столько всего интересного.

Верхний рынок

Машиносчетная станция походила на маленький цех, заполненный большими металлическими шкафами, в которых круглые сутки крутились бобины с магнитными лентами. Шкафы вели учет готовой продукции, расход материалов, насчитывали зарплату рабочим. Это был большой и древний компьютер, который занимал целый этаж старинного дома. Гуляя среди этих загадочных, тихо жужжащих огромных шкафов, я пытался представить, что в них происходит. Когда я заглядывал внутрь, находил там бесчисленное количество маленьких проводков, по которым, как мне казалось, течет какая-то умная жидкость. Она поступала в те части шкафов, куда заглянуть я не мог. От них эта «жидкость» передавалась в другие закрытые ящики. Правда, когда появлялся мастер и отпирал какой-нибудь таинственный шкаф, из него ничего не выливалось. Я опять обнаруживал там проводки, намотанные на странные черные конструкции. Кроме умных шкафов имелись на станции и другие устройства. Из одних выходил длинный, запечатанный цифрами белый рулон, который складывался гармошкой и загадочно именовался табуляграмма. Другие устройства протыкали дырочки в прямоугольниках из плотной бумаги. Понять смысл прямоугольников было сложнее всего. На каждом располагались ряды одинаковых чисел. Начинались они с сорока пяти горизонтальных нулей. Рядом, ниже, шло сорок пять единиц, затем столько же двоек, еще ниже троек, четверок, пятерок. Девятки завершали парад.

Прямоугольники загружали в устройство плотно сбитыми параллелепипедами. Когда они из него выходили, правильные ряды чисел редели. В каждом несколько цифр отсутствовало. Вместо них в стройных порядках просвечивались пустоты. Смысл исчезновения чисел был мне не ясен. Может, поэтому мне больше нравилось блуждать в лабиринтах железных шкафов с таинственной жидкостью, в которой содержатся знания. Хотя в этом районе и находилось самое ненавистное место, какое можно только представить – ночные ясли, куда мать меня иногда отправляла, когда работала во вторую смену, все равно я любил Немигу. Мне было уютно среди ее нешироких путаных улиц, невысоких кирпичных домов со странными пристройками, обшарпанных стен, обросших замысловатой пастелью вековых наслоений. Немига была полна котами, бродячими собаками и множеством любопытных для меня персонажей. В ее дворах еще встречались, наверно, последние в Минске бродячие стекольщики и точильщики ножей, которые, обвешавшись нехитрым инструментом, расхаживали со двора во двор, распевно зазывая жильцов воспользоваться их услугами. Немига полнилась дурманящим ароматом лившегося из ее труб каминного дыма. Не любить этот аромат было невозможно, ведь уже тысячи лет он отзывается в нас смутным воспоминанием о тепле и спокойствии первобытного очага. Немига пахла этим сладким воспоминанием. Уже на подступах я ощущал ее дурманящий запах, пытаясь угнаться за матерью, спешившей к своим умным шкафам на втором этаже старого, наполненного историей дома. Правда, это была Немига уже губернского Минска. Многими годами позже мне попались изображения старых гравюр. Я был поражен, насколько они отличались от Минска моего детства. На них я увидел город по стилю похожий на Вильно – крутые черепичные крыши, башни костелов, Иезуитский коллегиум, ратуша. Как потом я узнал, Минск и Вильно действительно строили одни и те же архитекторы. Город был католический: перед приходом Империи на его территории находилось двадцать восемь католических и униатских костелов и лишь одна православная церковь. Только на площади Верхнего рынка стояло пять барочных костелов. Все они исчезли не после войн, а были снесены или перестроены в православные церкви в XIX веке в наказание за антирусские восстания.

15

XIX век начался новой войной, которая теперь пришла с Запада. В борьбе империй с Францией, большинство литовского дворянства сражалось на стороне Наполеона. Для Речи Посполитой это был шанс вернуть независимость. В этой войне страна потеряла еще каждого четвертого жителя. Поражение Наполеона обернулось репрессиями. Конфисковывались земли и имения известных аристократических фамилий. Многие были вынуждены покинуть страну. В XIX веке Империя начинает освобождать эти земли от того, что связывало их с Европой. Первыми приняли удар города. В 1830 году был снесен центр Бреста, одного из красивейших городов этой страны. На месте, где стояли барочные монастыри и костелы, Империя возвела гигантскую цитадель – Брестскую крепость с казармами и плацами для муштровки солдат. Позже будут перестроены многие города. В большинстве будут снесены ратуши, как ненужный Империи символ былой вольности и Магдебургского права. В 1831 году в стране поднялось восстание, обреченное изначально на поражение. Слишком уж неравны были силы Империи и восставших. Вскоре началось покорение присоединенных земель православием. Из 322 существовавших тогда католических и униатских монастырей две трети было снесено или передано православным. В 1839 году униатство вообще запретили. Началось насильственное обращение униатов, которые составляли в стране большинство, в православие. Следующий удар пришелся по школам. Империя закрывает Виленский университет, коллегиумы иезуитов. Во всех учебных заведениях вводится преподавание только на русском. В 1863 году вспыхивает новое восстание. Но это скорее жертвоприношение во имя свободы, так как шансов победить уже не было никаких. В итоге – десятки тысяч погибших и высланных на поселенье в Сибирь. В городах закрывались оставшиеся католические монастыри и костелы. В стране, в которой веками сосуществовали в мире католики, униаты, православные, протестанты, иудеи и мусульмане, которая принимала гонимых из России старообрядцев, проходили религиозные чистки. Страна, имевшая конституцию, парламент и избираемого им короля, города с вольностями, гарантированными Магдебургским правом, превращалась в глухую колониальную периферию. То, что от нее уцелело, уже не могло открыто противостоять метрополии. Оставалась одно – возможность террора. Если империю нельзя победить, ее нужно убить. Многие патриоты уходят в революцию,

в террористическое подполье. В 1881 году белорусский шляхтич Игнатий Гриневицкий убивает Александра II, единственного императора, ставшего жертвой террора. Следующего в 1918-м расстреляет уже революция, в часовом пружинном механизме которой будет слишком много людей, вышедших из этих земель, как и выходцев из других нерусских окраин Империи. Очень долго и слишком сильно сжимала она пружины. Рано или поздно они должны были выстрелить.

Противостояние

16

В моем детстве в Городе Солнца уже не было Бога. Когда я спрашивал воспитательницу в детском саду: «Почему его нет?», она отвечала мне просто: «Гагарин летал в космос, но Бога там не увидел». Мне представлялось, как Бог – бородатый дедушка в белом платье с белыми крыльями – парит в черном пространстве над земным шариком. Но вот на космическом корабле прилетает Гагарин и, обогнув Землю несколько раз, не увидел в круглом окошке иллюминатора дедушку с крыльями. Значит, Его действительно нет. Гагарин был для меня большой авторитет. Граждане страны Счастья не верили и гордились тем, что не верят в Бога. Они чувствовали свое превосходство над теми, кто остался в том времени, когда Бог еще жил. В них заключалось преимущество людей передовых, людей, победивших мракобесие, покоривших природу, ставших на ступень выше ее. Помню, как мне было стыдно показаться на улице, когда вдруг заподозрили, что я состою в связи с Богом. Было стыдно и обидно, ведь это случилось помимо моей воли. Когда мне исполнилось десять, мы перебрались из дома на Ломоносова в квартиру на улице Червякова, которая находилась на Сторожовке, старом районе, издавна славившемся своим птичьим рынком. Перед самым переездом мы похоронили бабушку. Она долго болела и умерла еще на старой квартире. Бабушка была верующая, поэтому хоронили мы ее по церковному обряду – с попами и отпеванием. Вскоре после переезда мать пригласила на сорок дней незнакомых женщин из церкви – каких-то старух в длинных черных платьях. Мать была членом партии и слабо разбиралась в церковных обрядах, поэтому позвала старух, чтобы те помогли провести поминки. Был конец сентября, погода стояла еще теплая, поэтому окна комнаты с накрытым поминальным столом были распахнуты во двор нашего дома. Какое-то время посидев за столом, женщины в черном принялись читать молитвы. Читали они их во весь голос – громко и распевно. Был еще ранний вечер, и во дворе, как назло, собрался народ. Мне хотелось захлопнуть окно и крикнуть старухам, чтобы они читали молитвы потише, шепотом, так, чтобы никто не мог их услышать. Но они вдруг стали читать еще громче, и, конечно, их услышали все, кто находился в это время во дворе. Дети, с которыми мне еще только предстояло подружиться, собрались под нашим окном и, хихикая, с ехидцей поглядывали на него. Помню, как они смотрели на следующий день, когда я вышел во двор. Они стояли и о чем-то шептались, бросая на меня любопытные взгляды. Думаю, они

приняли нас за «сектантов». Но мне почему-то не хотелось переубеждать их в обратном. В этот день я попросил мать купить мне в ближайшее воскресенье на Сторожовке собаку.

17

Сторожовка находилась уже за границей Города Солнца. Зато это был район старого, дореволюционного Минска, вернее, его прежняя окраина. Дворцов тут уже не было вовсе, как и не встречалось красивых лепных заборов. Только ограждение городской инфекционной больницы немного напоминало тот шикарный забор военного гарнизона в моем старом районе. Зато одно из окон нашей квартиры смотрело прямо на другой гарнизон, который размещался рядом с Птичьим рынком. Размеры имел он поменьше, и его не окружали пьедесталы с капустой, но теперь я мог видеть все, что там происходило. Наша квартира находилась на четвертом этаже, а воинская часть располагалась прямо через дорогу. Сверху она напоминала аккуратный, составленный из конструктора игрушечныи городок. Даже деревья каждой весной в нем красили белым цветом. Когда я спрашивал у матери: «Зачем их красят?», она отвечала: «Чтобы гусеницы по ним не ползали». Теперь я не только слышал правильный топот, но и мог наблюдать, как прямоугольные зеленые гусеницы маршировали по плацу или перемещались от барака к бараку. Солдатские песни многоножки обычно пели, когда шли к пищеблоку столовой. Сразу за воинской частью начинался забор Птичьего рынка. То, что происходило за ним, теперь меня интересовало гораздо больше. В Городе Солнца не было зоопарка, поэтому рынок оставался единственным местом, где раз в неделю по воскресеньям появлялась возможность увидеть, потрогать, погладить и даже купить всяческую живность. Правда, экзотических животных здесь не продавали – в основном кроликов, кур, собак, котят, хомяков и свиней. Самыми шумными были, конечно, поросята. Если вдруг, не дай бог, у соседа случился запой, и он забыл, какой сегодня день недели, то по хрюкающим и визжащим под окном в шесть часов утра свиньям он мог безошибочно определить, что пришло воскресенье. Рынок начинал работу рано. Еще затемно под нашим окном выстраивались конские подводы и целый парк «жигулей», «волг», «москвичей». «Мерседесов», как и экзотических животных, в Городе тогда не водилось. Все утро до самого полудня в багажники и на подводы грузили кроликов, кур и маленьких поросят. Кур и кроликов носили обычно в деревянных ящиках, а поросят в больших холщовых мешках. Кролики вели себя смирно. Зато поросята, которым, наверное, было страшно, брыкались и дико визжали. Мешки, которые суровые мужики в кепках тащили к телегам, всегда шевелились и издавали звук электропилы,

вонзившейся в толстое суковатое полено. За ограждением птичьего рынка начинались заборы частных участков. Сторожовка полнилась множеством всевозможных деревянных, кирпичных, металлических в сеточку или из длинных прутьев заборов. С другой стороны нашего дома начиналось ограждение детского сада. За ним, через небольшой местный проезд – забор школы. Справа от школы тянулся деревянный забор бани. Когда я отправлялся на бульвар – центр здешней жизни с двумя гастрономами, булочной, сберкассой, аптекой, кинотеатром и парикмахерской – следовало пройти между двумя ограждениями, школы и бани, через длинный и узкий проход, в котором два человека могли разойтись, лишь немного прижавшись. Еще на Сторожевке возвышалось множество черных металлических труб старых котельных. Я любил эти трубы. Когда в зимний морозный день я выглядывал из окна, они поднимались над крышами прореженной рощей высоких черных стволов с длинными белыми кронами дыма, задумчиво уходившего в небо.

Ребенок, родившийся в Городе Солнца

18

В школе я учился неплохо, хотя посещать ее не очень любил, особенно зимой, осенью и весной. Занятия начинались рано, поэтому просыпаться надо было в семь, и на улице еще стояла темень. Когда я подходил к окну, школа, которая находилась прямо напротив нашего дома, в упор смотрела на меня своими ласковыми желтыми глазами. Мне казалось, в ее взгляде было что-то садистское. Так хотелось вернуться обратно в постель, но квадратные глаза хмурились и говорили: «Не смей! Немедленно одевайся и иди ко мне!» Но случались радостные дни, когда она смотрела, а я мог ей с ехидцей ответить: «А вот и не пойду! У меня справка от врача!» Тогда я наблюдал, как темные фигурки детей из соседних дворов по свежему, выпавшему за ночь снегу плелись к дверям школы, которые время от времени открывались в прямоугольном зевке и проглатывали их в свое оранжевое чрево. В восемь раздавался звонок и все затихало. Только какая-нибудь запоздавшая фигурка бежала, спотыкаясь, по нерастоптанной колее, таща за собой тяжелый ранец. А я забирался обратно в постель и укрывался теплым пуховым одеялом. Иногда глаза школы были закрыты. Это означало, что наступили каникулы или зимний карантин по случаю гриппа. Тогда приходили самые счастливые дни моей школьной жизни. Хорошие оценки я получал только по русскому языку, труду и физкультуре. По остальным предметам учился на отлично. Законы Ньютона и Фарадея давались мне лучше, чем правила написания запятых в предложениях. Химию нам преподавала Молекула, которую мы так называли за ее маленький рост. Когда она входила в класс, ее голова возвышалась не намного выше уровня школьных столов. Тетка она была толковая – если кто-то хотел химию, Молекула излагала ее очень убедительно. С теми, кто химию не любил, она особенно не церемонилась и давала сполна ощутить всю силу своего презрения. Учительницу по биологии мы про себя называли Плоскодонка. Правда, это прозвище ей не очень подходило. Роста она была высоченного, и, когда появлялась в классе, выпуклости ее тела рельефно выпирали во все стороны. Когда же в класс входила завучиха, которая вела у нас историю, мы, затаив дыхание, сидели, выпрямив спины. Ее мы называли СС или Гестапо. Она напоминала блондинок в черных мундирах из фильмов про войну. Во время урока Гестапо ходила по классу с длинной деревянной указкой и, время от времени, применяла ее к «тупицам» и «бездарям», для лучшего усвоения материала. Нашу

классную, которая вела у нас физику, мы называли просто Мария Израильевна. Если б у вас вдруг возникли проблемы с законами всемирного тяготения, следовало подыскать другую школу – в нашей троечникам жилось несладко. У меня же проблем с физикой, химией, геометрией, историей и другими предметами не было. Даже автомат Калашникова я собирал за положенные двадцать пять секунд. Вот только гранату почему-то никогда не получалось метнуть на необходимые тридцать метров. Из всех дней школьной недели больше всего я любил пятницу и субботу. Пятница полнилась радостным предвкушением субботы, а суббота приходом воскресенья. Хотя единственный выходной был почему-то самым унылым днем недели. Наверное, потому, что за ним наступал понедельник. Вечером в воскресенье часто показывали хоккейный матч. В телевизоре на белом, перечеркнутом пополам поле с окружностью в центре бегали маленькие черные человечки. В действительности они были цветные, но наш подсевший кинескоп давно делал все черно-белым. Человечки гонялись за крохотным, убегавшим от них цилиндром, который они пытались загнать в трапеции ворот. На трапециях стояли широкоплечие дяди с решетками на лицах и, когда цилиндр подлетал к воротам, отгоняли его длинными кривыми палками. Периодически маленькие черные человечки устраивали потасовку и кучей прилипали к прозрачному ограждению поля. Если камера давала крупный план, казалось, их головы что есть силы упираются в экран с другой стороны. Еще немного, они продавят его и со звоном разбитого стекла покатятся по полу комнаты. Тогда я подходил к телевизору, выключал его и отправлялся в постель, чтобы рано утром увидеть ласковые, поджидающие меня желтые глаза школы.

19

В нашем Городе все менялось очень быстро. Если на пустыре стоял дом и нужно было построить новый, то его не ставили рядом, а сносили прежний и строили на его месте. Игрушечный военный городок, который я наблюдал из окна, через пару лет прибрали. Приехали бульдозеры, машины с ковшами, раскопали большую яму и на какое-то время исчезли. То, что мы обнаружили в котловане, оказалось не менее интересным, чем солдатские песни. Там было старое военное кладбище, где хоронили солдат еще с Первой мировой. Весь наш район сразу наполнился черепами, которые мы находили в яме и забирали домой. Ими мы пугали девчонок в школе, подкидывали учителям и просто дарили приятелям из других районов. В котловане имелось еще много костей, но нас они мало интересовали, а больше занимали старые пуговицы и царские кокарды. Я тоже принес домой один череп для занятий анатомическим рисунком. В то время я уже ходил в художественную школу, где черепа ставили в каждом втором натюрморте. Муляжи мы никогда не использовали. В нашем Городе не существовало проблем с натуральными черепами, необходимыми для изучения архитектуры «собачьей ямы», переходящей в верхне-челюстные кости и скуловые дуги. Сразу за раскопанным кладбищем начиналось другое, находившееся под Птичьим рынком. За следующим забором еще одно. За ним еще и еще. Вся эта часть Сторожовки строилась на месте старинных кладбищ, появившихся, когда тут проходила окраина Города. Войн через него прокатывалось немало, поэтому хоронили здесь много и часто. Кладбище, которое мы потом раскопали, находилось ближе к самой старой части Сторожовки. Оно примыкало к кварталам, спускавшимся к реке. Домов и заборов здесь не было. Скорее оно напоминало старинный парк с высоченными дубами, такими широкими, что мы своими детскими руками и втроем не могли их обхватить. Между дубами стояли редкие склепы. Единственной постройкой тут был серый мрачный дом, без окон, с толстыми колоннами. Он походил на те дома из фильмов, в которых обитают маньяки и всякие полуистлевшие вурдалаки. В каком-то смысле они действительно там жили. Однажды, когда после занятий нас отправили расчищать дорожки парка от листьев, я зашел в него за инструментами. Внутри я обнаружил несколько полутемных высоких комнат, доверху заполненных деревянными стеллажами. На них стояли металлические цилиндры – сотни больших и малых цилиндров, таинственно поблескивавших в

тусклом свете свисавших с потолка желтых ламп. В цилиндрах тоже скрывалось кладбище – умершие проекции отраженного света, старые кинохроники на металлических бобинах. Дом без окон оказался киноархивом, который приютился в перестроенной после революции церкви. Но через пару лет и на это кладбище приехали экскаваторы и принялись прокладывать через него дорогу. В разрытых местах мы снова находили черепа, но здесь их встречалось меньше. Тут не было больших братских могил, зато иногда попадались старинные крестики и украшения. Некоторые приятели из соседних дворов целыми днями ковырялись лопатками в больших глубоких песочницах, пытаясь отыскать что-нибудь ценное. Но на игры в песочницах у меня времени уже не оставалось. После занятий я отправлялся в художественную школу, находившуюся неподалеку от площади Мудрости. А когда возвращался, в телевизоре уже появлялся жизнерадостный кролик Степашка – и с плюшевым поросенком Хрюшей они визжали всем *малышам* Города Солнца «Спокой-но-о-ой но-о-чи-и-и!» В нашем Городе ничего долго не засиживалось на одном месте. Еще через пару лет после того как снесли старое кладбище и спилили высоченные дубы в три обхвата, архив с кинохрониками из дома без окон выселили. Пришли строители, пробили окна и принялись снова перестраивать его в церковь. К тому времени преимущество передового взгляда, стало, видимо, уже не таким очевидным, поэтому мракобесие потихоньку возвращалось в места, в которых ранее обитало.

Все религии в Городе Солнца были равны. Все делилось по справедливости – имелся один открытый костел, одна церковь, одна синагога и одна мечеть. Правда, мечеть позже снесли, когда прокладывали новый широкий проспект. Были еще протестантские церкви, но с ними все обстояло сложнее. Молебны они устраивали в частных домах или вовсе подпольно. Детей Города Солнца редко при рождении крестили. Это потом, много лет позже, когда даже коммунисты заявили, что поверили в Бога, это вошло в моду. Меня же крестили в том еще возрасте, когда я не мог этого помнить. Хотя с детства я недолюбливал православных попов. Наверное, это был голос крови, ведь крестили меня в старообрядческой церкви. Наш род по отцу происходил как раз из тех самых раскольников, которые, спасаясь от религиозных гонений, ушли из России и поселились на землях княжества Литовского еще в XVII веке.

Дворец офицеров

У моих родственников в Полоцке до сих пор сохранилась коллекция старообрядческих книг и древних икон. Хотя родню по отцу я знал плохо. Когда я спрашивал у матери, где мой отец, она всегда отвечала: «Его на войне убили», или: «Он в речке утонул».

Произносила она это скороговоркой, словно много раз хорошо отрепетированную фразу. Мне всегда очень хотелось найти ту речку, в которой погиб отец. Часто, когда мы ехали по какому-нибудь мосту, я спрашивал: «Не в этой ли реке утонул папа?» Однако когда я уже повзрослел, папа целехонький и здоровенький выпрыгнул из какой-то речки. Тогда я узнал, что наш прадед до революции был человеком небедным, владел землями и усадьбой под Полоцком, позже переделанной большевиками в детский дом. У него было двенадцать детей, большинство из которых после революции перебрались в Москву. Прадеда расстреляли в тридцать четвертом, сразу после убийства Кирова. Дед служил офицером, но за какую-то провинность был разжалован в рядовые и проработал до конца дней в полоцких доках. Зато бабушка имела множество военных наград. Во время оккупации она была связной в подполье. Какие бы у меня ни были отношения с отцом, но во многом благодаря ему я покинул страну Счастья гораздо раньше, чем мои сверстники. Отец всегда был настроен антисоветски и иногда, напившись, рассказывал, как мы могли бы жить, если б не революция, что он бы пешком пошел до Парижа, если б на мгновенье открылась граница. Хотя и в стране Счастья ему жилось не так уж плохо. По крайней мере, тем деньгам, которыми он ворочал и тому количеству женщин, которые у него были, любой мог позавидовать. Правда, когда позже границы открылись, он никуда не пошел, зато уехал мой младший брат от другой жены отца, которому, наверное, истории про Париж доводилось слышать чаще, чем мне. Но отправился он не в Париж, а в Марсель, где какое-то недолгое время, до того как перебрался в Германию, служил во французском Иностранном легионе.

21

В XIX веке страна утратила свое историческое имя. Раньше эти земли не назывались Беларусью. Название это существовало с XIV века, но было именем-призраком, который блуждал на востоке от одной местности к другой. Ни одна летопись не может точно определить, за какой именно территорией это имя было закреплено постоянно. К началу XX века призрак распространился на всю территорию. В 1840 году указом императора страну вообще лишили собственного имени. Вместо запрещенных Литва и Беларусь, ввели название Северо-Западный край. К этому моменту Беларусь – это только восточная часть Страны. В воззваниях 1863 года предводитель повстанцев Кастусь Калиновский обращался еще к литовскому народу. В 1918 году, когда государственность страны ненадолго возродилась, она уже называлась Беларусь. Ко второй половине XIX века литовская аристократия – хранитель традиций Великого княжества – была уже практически уничтожена. Но на сцену выходит новая сила, которая поднимает знамя национально-освободительной борьбы вместе со знаменем классовой революции. Новая сила приходит из народных низов – мелкой шляхты, крестьянства, городской бедноты – и начинает борьбу под знаменем Беларуси, альтернативой как имперскому Северо-Западному краю, так и собственной, чуждой для нее аристократической традиции. Два призрака слились в одном. Призрак блуждающей территории и призрак коммунизма, который в это время «бродил по Европе». Поднять знамя Литвы на ее исторических землях на тот момент было просто некому.

22

В Городе Солнца не было наций. Вернее, имелись, но признавались чем-то неважным, скорее, декорацией к праздничному концерту. Я помню, как они появлялись на экране, счастливые, улыбающиеся представители разных народов в вышитых национальных костюмах, и говорили о том, как им хорошо живется в стране Счастья, где после многих лет угнетения они наконец-то получили свободу и возможность развивать национальную культуру. Надо признать, в стране Счастья все нации действительно были как братья. Все имели одинаковые учебники по истории, где говорилось, как ужасно им жилось до революции и как потом все изменилось. Помню свой первый учебник по белорусской истории. Это была книга позора, прочтя которую у человека должно было появиться желание побыстрее ее забыть и всеми силами устремиться в новый народ – в сообщество созидателей Нового мира. В Городе Солнца не существовало национальной вражды. Единственный народ, который вызывал не то чтобы неприязнь, но подозрение, были евреи. Все догадывались, что они почему-то хотят уехать. А люди, которые собираются покинуть Город Солнца, не могли не вызывать подозрения. Но никто не мог купить билет на выезд из страны Счастья. Право выехать и вернуться имела лишь небольшая группа особо доверенных людей. Зато у нас была возможность путешествовать по бескрайнему континенту, гордо именовавшему себя одной шестой частью Земли. Все были обязаны физически, всем телом почувствовать его грандиозность, узреть Новый мир, где сотни народов переплавлялись в новую расу людей, которые в будущем откажутся от национального во имя гордо звучащего: «Я – гражданин Советского Союза». Даже если не было возможности путешествовать в детстве, каждый знал: когда исполнится восемнадцать, его непременно отправят года на два подальше от дома, познавать страну Счастья. Все, кроме женщин, были обязаны отслужить. Обычно человека отправляли за тысячи километров, на другой конец бескрайнего материка, где в гигантском котле под названием Армия выплавлялось новое братство людей, строителей общества Счастья. Я гордился своей огромной, самой сильной в мире страной. Ее окружали враги, готовившиеся к войне. Мы же войны не хотели. Помню огромные транспаранты, взывавшие с крыш домов. Их буквы высотой в несколько человек кричали небесам: «МИ-РУ – МИ-И-ИР…», «МЫ ЗА МИ-И-ИР ВО ВСЕМ МИ-И-ИРЕ…». Эхом им отвечали транспаранты с других домов: «ПОДВИГУ НАРО-ОДА ЖИТЬ В

ВЕКАХ…», «ПОДВИГ НАРО-О-ДА БЕССМЕРТЕ-Е-ЕН…». Я знал: если на нас нападут, мы дадим достойный отпор. Я был горд нашей самой мирной и счастливой страной во всем мире.

Жить в веках

23

В первый раз я отправился в полет над страной Счастья, когда мне исполнилось тринадцать. Из Города-героя Солнца мы направились за две тысячи километров на экскурсию в город-герой Волгоград. В стране Счастья имелось такое редкое звание, дававшееся избранным городам за особые заслуги во время Второй мировой. Мне очень хотелось увидеть город, где произошло одно из ее наиболее страшных сражений – Сталинградская битва. В сырой пасмурный мартовский день мы вылетали из старого аэропорта, красивого, воздушного дворца Авиации, всегда чем-то напоминавшего мне санаторий в Крыму. Может быть, самолеты, прилетавшие сюда из Симферополя, привозили южный воздух с запахом гор и моря. Как только шасси оторвалось от земли, Город, который я всегда видел лишь снизу, стал стремительно уменьшаться. Величественные дворцы становились домиками из конструктора, улицы и кварталы превращались в аксонометрии, огромные парки – в неправильные серо-зеленые мохнатые многоугольники. Самолет медленно разворачивался над мельчающим Городом, беря курс восток. Вдруг все исчезло. Мы вошли в мягкое тело туч. Некоторое время самолет прорезал серых драконов, а когда выскочил, открылось невероятное зрелище. Над Городом Солнца сияло солнце. Оно висело прямо над ним, но в него из-за туч не проникало. Оказывается, оно находилось над Городом всегда, даже когда мы не видели его. За круглым окном бесконечно простирались торжественно-белые поля, клубившиеся под пронзительно чистым голубым небом. Казалось, достаточно выскочить – и ты побежишь по мягкой вате навстречу солнцу, ощущая ступнями своих ног его тепло. Долго, очень долго мы летели среди безмолвных полей, переливавшихся сотнями белых оттенков под застывшим неподвижным солнцем. Временами через легкую дымку проступал мохнатый лоскутный ковер, сшитый из кусочков бурого, зеленого, серого цвета. 1 де-то его прорезали правильные линии дорог и извилистые – рек. Это была Земля. Огромная, неизвестная мне, таинственная Земля. Поверхность гигантского бурого шара медленно поворачивалась под большим неподвижным солнцем. Наконец самолет пошел на снижение на дозаправку в Ростове. Внезапно наш старый «Туполев» начало так трясти, словно мы попали в зону обстрела. Казалось, по нам стреляют зенитки, но никак не могут попасть. Снаряды рвутся вокруг, бросая взрывной волной наш самолетик из стороны в сторону. Солнце уже исчезло. Мы погрузились в облака и ранние

сумерки. Внизу снова появилась земля. Она уже не казалась таинственной, но с каждой минутой становилась все более угрожающей. Ее бурое тело росло, прояснялось, стремительно к нам приближаясь. Вскоре показались конструкторы, теперь уже не похожие на игрушки. Вернее, выглядели они так же, но мне представлялось, как мы снесем этот игрушечный город, если вдруг промахнемся мимо посадочной полосы. Аксонометрические проекции неумолимо приближались. Они снова становились домами, деревьями, заборами, телеграфными столбами, пролетавшими под нами с чудовищной скоростью. Но прошло еще несколько секунд, и колеса самолета коснулись земли. Легкий прыжок – и мы благополучно катимся по посадочной полосе. Следующая посадка в Волгограде уже не была такой страшной. Нас поселили в общежитии на окраине города. Поздним вечером мы собрались в большой комнате, освещенной тусклой, одиноко свисающей с потолка лампочкой-сороковаткой. Устроившись на скрипучих железных кроватях времен военного коммунизма, ребята постарше пили вино, флиртуя с девчонками. Я же молчал и улыбался, счастливый, что мы долетели. А еще от того удивительного солнца, которое я увидел днем над Городом Солнца. В Волгограде меня поразило, как этот город похож на наш. Может, он выглядел не столь великолепно, но в нем было что-то очень близкое в настроении. Такие же просторные улицы в центре, дома, похожие на дворцы, лепнина, вазы, колонны, скульптуры. Позже фрагменты Города Солнца встречались мне и в других городах. Это были части одной большой декорации, раскиданные по всему континенту Утопии. Еще здесь стояло много заводов. Помню эти набухшие ранней весенней сыростью темно-бурые стены бесконечных цехов Волгограда. В городе не было иностранцев. Он был закрыт для посещений, потому что в этих беспредельных цехах из красного кирпича делали танки. В стране Счастья все ждали и готовились к войне.

Город Солнца под снегом

24

Народы, жившие за пределами страны Счастья, были для детей Города Солнца абстрактными массами, угнетаемыми местными буржуями-капиталистами – толстопузыми дядьками в черных цилиндрах и фраках, как изображали их на плакатах. Единственный народ, который не казался абстракцией, были немцы. В Городе все хорошо помнили последнюю войну, ведь в ней погиб каждый четвертый.

Мы видели немцев почти каждый день в телевизоре, по которому постоянно показывали фильмы про войну. А их смотреть мы любили, потому что наши всегда побеждали, а добро торжествовало над злом. Хотя ненависти к немцам мы не чувствовали, как не было ее ни к одному народу, жившему за пределами страны Счастья. Скорее, мы сочувствовали им, жившим в страшном, жестоком мире. Наш мир был лучше. Он был надежен, в нем виделось светлое завтра, к которому мы непременно придем, как и другие народы, которые еще не прозрели от сна. Среди множества кинолент про войну самой любимой была «Семнадцать мгновений весны». Помню, как я летел из школы домой, чтобы в дневном эфире увидеть повтор новой серии, показанной накануне. Мы любили героев этого фильма. Все мальчишки нашего Города хотели быть похожими на умного, благородного Штирлица, проникшего в самое логово Третьего рейха и ведущего там виртуозную подрывную игру. Как ни странно, но и герои из другого лагеря нам тоже нравились. Пожалуй, это был первый фильм, где немцев показали не как тупых извращенцев, но как живых людей со своими характерами. Нам был симпатичен хитрый старик, добряк Мюллер, обаятельный красавец Шелленберг, генерал Вольф, толстяк Борман и другие герои из центрального аппарата СД и СС. И, конечно, нам нравилась эта великолепная форма, строгие и стильные черные костюмы от Хуго Босс. Из фильмов мы брали нужные нам немецкие фразы. Игра в войну между немцами и партизанами – любимое развлечение всех мальчишек Города Солнца. Роли все время менялись, поэтому каждый становился то немцем, то партизаном. И, конечно же, должен был знать, что означают слова: «Hände hoch! Ausweis! Nicht schießen! Russische Schwein! Spielen, Jude, spielen!» За пределами Города Солнца дети играли в более жестокие игры – драки район на район. Правила были просты. Собирались несколько десятков подростков и отправлялись бить всех без разбору сверстников в соседнем районе. Иногда районы заранее договаривались о встрече на

каком-нибудь пустыре. Тогда в указанном месте собирались до нескольких сот человек, вооруженных палками и цепями, и устраивали настоящее побоище, пока их не разнимала милиция. Эта игра почему-то не прижилась в Городе Солнца. Мы могли недолюбливать детей из соседнего двора или квартала, но наша вражда обычно ограничивалась перестрелками из рогаток, заряженных алюминиевыми пробоями. Может, так на нас влиял Город. Одно дело расти в дурманящей зелени парков, среди греческих ваз и скульптур в безвременье античного неба. Совсем другое, когда с детства тебя окружают линии высоковольтных передач, теплоэлектроцентрали, бурые цеха заводов, пустыри и стоящие между ними одинаковые коробки домов. В Городе Солнца, конечно, селили лучших людей страны Счастья – руководителей партии, работников аппаратов Метафизика, госбезопасности, ведущих специалистов, известных писателей, музыкантов, артистов. На окраинах, но еще на его территории – рядовых членов партии, интеллигенцию, спортсменов, врачей, педагогов. За пределами Города Солнца стояли заводы. Там жили те, кто на них работал. Не думаю, чтобы дети пролетариев чем-то от нас отличались. Но Город в предместьях становился иным. Наверное, он по-другому влиял на тех, кто там подрастал.

25

В пролетарские предместья Города Солнца я выбирался редко. Обычно мы отправлялись туда с матерью на могилу бабушки, которую похоронили на Чижовском кладбище – гигантском некрополе, начинавшемся сразу за предместьями и на километры уходившем в золотые ржаные поля, подступавшие к самой границе Города. Дорога до него была неблизкая и занимала, как мне казалось, половину дня. Я не любил это путешествие, тем более что пролегало оно через районы, в которых я находил что-то угрюмое, особенно в солнечный день, когда они наполнялись жесткими злыми тенями. Пасмурный день накрывал их серой фланелью, под которой они немного добрели, становились просто унылыми окраинами, в безнадежности которых даже появлялось какое-то странное очарование. Мы выезжали утром со Сторожовки в трамвае, что останавливался на другой стороне Птичьего рынка. Через пару остановок он делал кольцо, поэтому, когда вагон подъезжал, был практически пуст. Я усаживался у окна с правой стороны, чтобы лучше видеть людей на перронах. Двери дребезжа закрывались, и мы отправлялись в наш неблизкий путь до некрополя. Вначале трамвай пересекал небольшую треугольную площадь, застроенную странными деревянными домами, немного напоминавшими мне постройки из вестернов. Их фасады плотно примыкали один к другому, обращаясь к улице кричащими воззваниями вывесок. Тут имелся свой салун – маленькая пивная, булочная, гастроном. Чуть дальше на возвышении стоял кинотеатр. За площадью начиналось старое, тогда еще не раскопанное нами кладбище с высокими дубами и серым домом без окон с мерцающими цилиндрами на деревянных полках. Миновав несколько остановок, трамвай выбирался на улицу, ведущую к проспекту. Вагон был старой конструкции, поэтому ехал неспешно. На улице уже стояла жара, во время движения через маленькие, раздвинутые с двух сторон форточки в него проскальзывал поток горячего, но все же освежающего ветерка. Когда же трамвай останавливался и забирал пассажиров, поток прекращался. Тогда в вагоне зависало влажное потное ожидание. Через какое-то время за окном начинали появляться капители и лепные карнизы. Мы въезжали в город дворцов. Чем ближе трамвай приближался к проспекту, тем капителей с карнизами становилось больше. Они набирали объем, и вскоре вагон уже ехал среди огромных бисквитных тортов, пекшихся на утреннем, но уже обжигающем солнце. Торты стояли так плотно один к одному, что, казалось, к полудню, когда

зной наберет максимум силы, их разгоряченные кремовые розетки, медальоны и консоли под балконами потекут по фасадам и все превратится в одну большую бесформенную бисквитную массу. Над бисквитами в синеве неба проплывали большие куски сахарной ваты, тоже готовые к вечеру растаять и сладким дождем опуститься на Город.

Улица Октябрьская

Недалеко от площади Виктории улица перпендикулярно пересекала проспект. Трамвай проезжал кинотеатр с загадочным названием «Мир», миновал «Дворец Искусств» и – на развилке возле Академии госбезопасности – уходил левей, к улице, шедшей к предместьям. Вагон проезжал еще одно старое военное кладбище, желтый с массивными колоннами Дворец культуры Стройтреста и двигался по направлению к Тракторному заводу. Бисквиты здесь становились скромнее. Капители с карнизами теряли объемы. К этому времени трамваи до отказа заполнялся людьми, которые с трудом втискивались на остановках, основательно утрамбовывая тех, кто стоял ближе к дверям. Вагон уже больше напоминал небольшую парную, двигавшуюся по рельсам Города Солнца. Спустя немного дворцы за окнами начинали исчезать и появлялись первые фабричные цеха. Мы въезжали на длинный безлюдный мост через железную дорогу и сразу за ней попадали в район Тракторного завода. Это был целый город, напоминавший уменьшенную копию Города Солнца.

На Тракторном работали десятки тысяч людей, которые жили в этих кварталах. Тут также стояли дворцы для народа, но они были пониже, чем в Городе Солнца. Здесь тоже имелся свой стадион, Дворец культуры, гастрономы, пивные, большой парк с чертовым колесом. У главного входа на завод стояли две симметричные башни, напоминавшие пирамиды с площади Ворот. За парком трамвай пересекал широкую улицу – Партизанский проспект. Здесь мы покидали парную на рельсах, пересаживались на автобус и ехали по улице, проходившей через кварталы гигантского Автозавода. Здесь тоже работали десятки тысяч людей. Здесь также был свой Дворец культуры и свои парки, но как раз тут начинались те безнадежно угрюмые районы. Здешний проспект походил на широкую, вытянутую на много километров площадь. Вдоль нее стояли такие же, как в Городе Солнца, деревья. Над ней висело все то же кобальтовое небо с белыми канелюрами и конскими головами. Но вместо дворцов по сторонам этой площади стояли казармы, вернее дома, похожие на них, и тени, падавшие от этих казарм, были особо зловещи. Нас окружали похожие пяти– и девятиэтажные дома, фасады которых пробивали одинаковые квадратные глазницы окон. Квадраты чередовались с вертикалями застекленных жильцами балконов. Каждый балкон отличался цветом и бесхитростным материалом. Но вместе они походили на стайки маленьких стеклянных сарайчиков, которые по крышам друг друга карабкались к последним этажам здания. Между кварталами тянулись длинные заводские цеха с высокими кирпичными трубами и пирамидками стеклянных фонарей на крышах. Иногда их разделяли пустыри, через которые один за другим в сторону Города Солнца шли двух– и шестипалые металлические великаны вышек, волокших в Город на вытянутых руках линии высоковольтных передач. Вскоре автобус поворачивал направо, и мы двигались в направлении Чижовки. Перед въездом в нее мы пересекали еще один парк с озером и ехали до здешнего Дворца культуры, где надо было сделать еще одну пересадку. Тут мы перебирались в автобус, шедший прямо к некрополю. Через остановку он выезжал на дорогу, с которой уже виднелась монументальная арка его ворот, одиноко возвышавшаяся в глубине золотого поля, тихо шелестевшего набухающими колосьями. Поле уходило далеко к горизонту и где-то там дотрагивалось до неба, по которому медленно плыли куски пока еще не растаявшей сахарной ваты.

26

XX век начался для страны новым потопом. Беларусь становится театром военных действий Восточного фронта Первой мировой. Затем пришла Революция, Гражданская война, война советской России с Польшей. Подсчитать точное количество потерь невозможно. Только число людей, силой высланных в Сибирь, составило миллион человек. В тридцатые годы, убравшись в наряды страны Счастья, Империя продолжила вычищать эти земли от городов и народов. Ей не нужно было уже прикрываться попами и рассуждениями о высокой духовности ее миссии. Теперь она могла оживить «Капричос» Гойи, создать гигантские макабрические полотна, используя только два цвета: черный – земли и темно-бурый – застывающей крови. В тридцатых по обвинению в национализме Сталин вырезал почти всю белорусскую интеллигенцию. Из состава Союза писателей к началу сороковых годов в живых осталось всего двенадцать человек. Одновременно шли массовые убийства простых граждан – в 1937 году в Беларуси было расстреляно сто тысяч человек. Продолжалось переселение в Сибирь кулаков, националистов, религиозных сектантов «и прочих враждебных элементов». Число жертв этих лет огромно. Только в урочище Куропаты под Минском было истреблено от ста до двухсот пятидесяти тысяч человек. В сороковых годах эти земли накрыла последняя большая война. Она длилась четыре года и унесла жизнь еще каждого четвертого ее жителя.

27

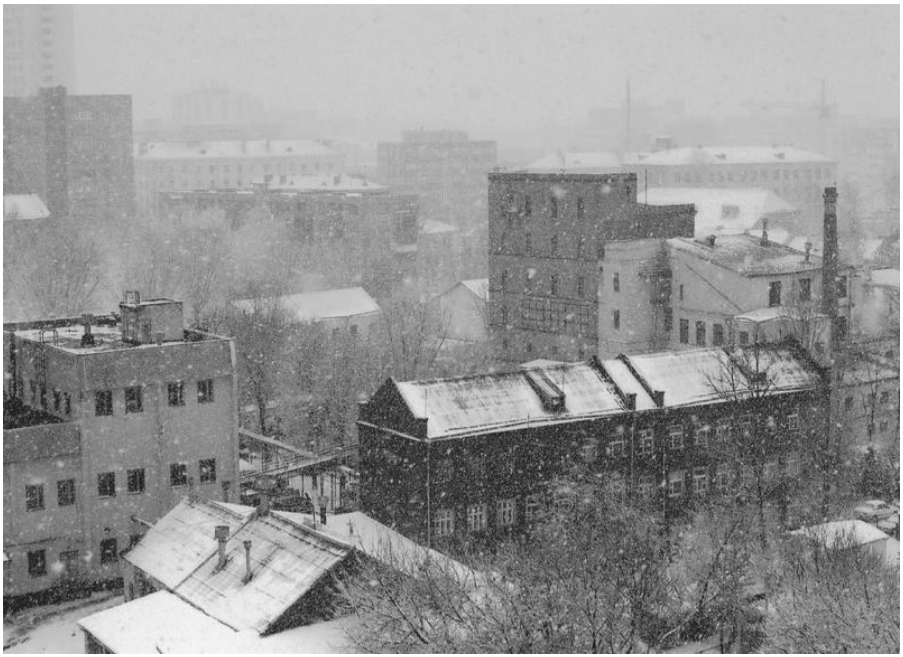
Был ли счастлив я в обществе Счастья, не помню. Скорее всего, нет. Как и каждого маленького человека, меня окружали свои маленькие проблемы, страхи и неисполненные желания, которые, наверно, не давали ощутить себя до конца счастливым. Но то, что мы живем в самом счастливом обществе, я знал абсолютно точно. Это знали все дети Города Солнца. Я помню, как мы сочувствовали детям, живущим в страшном капиталистическом мире. Я помню веселые пионерские песни, которые доносились из нашей радиоточки солнечными весенними днями – а солнца весной в Городе Солнца всегда было много, – и тот странный фильм, который я увидел в какой-то тусклый зимний день. Я чем-то болел, поэтому не пошел в школу. Как и всем детям, мне нравилось болеть. У меня даже имелось любимое занятие: я устраивался в кресле у окна нашей теплой кухни и рассматривал путеводитель по Ленинграду. Это была книга с очень подробными аксонометрическими планами. Мне нравилось белыми зимними днями в полуболезненном состоянии гулять по этой аксонометрии среди воображаемых зимних, таврических, Михайловских и других ленинградских дворцов. В этот день по нашему черно-белому телевизору я увидел фильм о собаке, у которой умер хозяин – небольшую новеллу, показанную тогда, когда большинство людей было на работе. Обычно такие странные фильмы крутили в то время, когда их почти никто не мог увидеть. В ней не было какого-то замысловатого сюжета. Старый одинокий человек умирает, приходят врачи, какие-то незнакомые люди, они что-то делают. Пес за всем наблюдает. Он сидит у тела. Ночь. Горит лампа. На следующих кадрах пронзительный черно-белый зимний день. Небольшая траурная процессия направляется на кладбище. Пес идет по снегу за гробом. Старика закапывают. Люди расходятся. Пес остается один. Через какое-то время он возвращается домой, а дома больше нет. Дверь закрыта, и никто не откроет ее. Мне запомнилось странное ощущение от этого фильма. Болезненный пасмурный день за окном и грустная черно-белая сага о старике и собаке, которая жила в стране Счастья, но в один зимний день собачье счастье закончилось.

Немига. Зима

28

Немигу сносили долго. Сначала ее превратили в гигантскую декорацию, в которой съемочные группы со всего Союза снимали фильмы про войну. Опять здесь рвались снаряды, горели дома, ездили танки с красными звездами. Потом появились экскаваторы. Мне было жаль этих кварталов, от которых веяло человеческим теплом. Я долго не мог понять, зачем это делают, зачем приехали эти страшные машины и бьют большими многотонными бабами по стенам моего детства. Почему разрушают Немигу – этот маленький уютный мир, где стоял старый дом с умными шкафами, где находились ненавистные мне ночные ясли и булочные с запахом свежеиспеченного хлеба. Где в деревянных будках сидели старики-курды и за несколько копеек чистили обувь прохожим, где мамаши развешивали белье в обшарпанных двориках. Где бродили стекольщики, точильщики ножей, коты и собаки с умными глазами. Где стоял дурманящий аромат каминного дыма. Я не понимал, зачем они убивают Немигу, тело и душу Старого Города. Без нее Город исчезал, становился призрачным, дробился, рассыпался на мелкие осколки предместий. Многие потом говорили – это продолжение того, что Империя много лет совершала и раньше. Я думаю, это Город Солнца требовал расширения жизненного пространства. Пока жила Немига, он был в этом Городе не один. Немига – его давний соперник. Пока она была жива, он не мог по-настоящему уйти в мир сладких снов, ведь он – солнечный город Грез, а она – Бессонница, та, которая не спит. Она будила его, не давала заснуть. Она была бессонной ночью, а он – солнечным днем. Рано или поздно он должен был ее задушить. Хотя все, что появилось в 70-х годах на месте снесенных кварталов Немиги, уже не имело отношения к Городу Солнца. Он мог завоевывать новые пространства только в тридцатых, сороковых, пятидесятых, когда в нем жила сила стиля и веры. В 70-х веры уже не было. Все, что появлялось как продолжение Города Солнца, становилось фальшивым, а потому бездарным. Позже я понял еще одну причину убийства. На самом имени Немига лежало заклятье кровавых берегов. Все, что связано с ней, неизбежно должно было погибнуть. С кровавых берегов Немиги началась история Минска. В 1067 году объединенные дружины киевского князя Изяслава, черниговского князя Святослава, переяславльского Всеволода разбили войска полоцкого князя Всеслава, взяли город, а всех жителей в отмщение вырезали. «На Немиге снопы стелют из голов, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые

берега не добрым посевом были засеяны», – описывает это событие «Слово о полку Игореве». С того времени Бессонница стала подземной водой этой земли, рекой смерти, уносившей души погибших в бесчисленных войнах. Спустя восемь столетий Немига-река пересохла, ее заковали в трубы и пустили под землей. Но на поверхности остался Немига-город, который еще через сто лет ушел под землю вслед за рекой. На этом месте проложили широкую магистраль, и через пятнадцать лет здесь появилась станция метро Немига, примерно в том месте, где проходили кровавые берега. А еще через десять лет на этой станции произошло страшное жертвоприношение: подземная река забрала жизни пятидесяти трех человек. Все случилось летним воскресным днем, в котором поначалу не было ничего необычного. С самого утра в Городе стояла жара, воздух был влажный, как обычно перед грозой. Вечером Город облетела страшная весть. Никто еще не знал толком, что произошло, но все понимали: случилось что-то ужасное. В тот день на открытом поле рядом со станцией метро проходил концерт, на который собралось несколько тысяч человек, в основном студентов и школьников. Внезапно небо разверзлось стеной воды. Очевидцы рассказывали, это был не ливень, а именно стена – река, которая пала с неба как раз на то место, где находились когда-то кровавые берега Немиги. В других частях города в это время шел обычный небольшой дождик. Дети кинулись к станции метро, чтобы укрыться – сотни людей устремились к подземному переходу Немиги. Там, под землей, произошла страшная давка, в которой погибло пятьдесят три человека. Все случилось как почти тысячу лет назад: «На Немиге снопы стелют из голов, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым посевом были засеяны». Заклятье кровавых берегов дало о себе знать. Река пролилась и понесла детей умирать к своим берегам – под землей. Ведь уже много лет Немига – подземная река. Подземной реки кровавые берега, кровавые берега Бессонницы…



Немига под снегом

29

Из множества фильмов детства про войну мне запомнился «Часы остановились в полночь» – про убийство генерального комиссара Третьего рейха в Беларуси Вильгельма Кубе. Минское подполье приговорило его к смерти, но долго не могло к нему подобраться. Наконец сопротивлению удалось завербовать служанку в доме Кубе, которая и привела приговор в исполнение. В настроении этой картины было что-то очень искреннее и одновременно жестокое. В конце фильма главная героиня исполнила для немецких офицеров на вечеринке в доме гауляйтера трогательную белорусскую песню, а потом отправилась в спальню и подложила бомбу с часовым механизмом под матрас Кубе. Спустя много лет я узнал другую правду этого приговора. Убийство Вильгельма Кубе было спланировано в Москве, которая выслала в Минск специального агента для организации покушения. Кубе принадлежал к тем немногим высоким фигурам Третьего рейха, которых можно было назвать прагматиками. Он помогал вытаскивать из лагерей деятелей белорусской культуры, открывал белорусские школы и газеты. Если б в Минске сидел какой-нибудь зверь, как многие гауляйтеры других оккупированных территорий, то Империю это б устроило. Но человек, пытающийся завоевать симпатии местного населения, был для нее опасен. Планируя покушение, в Москве знали, что за него казнят несколько тысяч жителей города. Каждый партизан, который убивал немецкого солдата, понимал, что за это будет расстреляно от десяти до ста невинных людей. Число зависело от чина убитого. За покушение на Кубе в Минске казнили три тысячи человек. Таковы были правила этой искренней и жестокой игры. Одни приговаривали к смерти три тысячи и одного человека, другие приводили приговор в исполнение. Все, что было связано с последней войной, в стране Счастья сцементировалось правдой Империи. Другая правда вышла наружу, когда цемент дал глубокие трещины, и страна Грез стала пробуждаться от сна. Одна из прежних неприкасаемых правд гласила, что Минск во время войны уничтожили немцы. Но они взяли город без боя на шестой день войны, в результате этого захвата Минск почти не пострадал. Больше он потерпел от энкавэдистских поджогов. Когда же в 1944-м советская армия вернулась, Город уже лежал в руинах. Все четыре года, пока Минск находился в оккупации, его бомбила советская авиация. Обычно самолеты прилетали на праздники и привозили подарки от Сталина.

Противостояние – 2

Первый раз бомбардировщики появились над Городом на годовщину Октябрьской революции. В одном из фильмов про войну они летят в черном небе над Минском под приветственный вой сирен и расходящиеся в ночи лучи прожекторов. Это были лучи нарождающегося нового Города, его восходящее солнце, поднимающееся из-за руин на черном бархате неба. Город Солнца был зачат в чреве войны, через триумфальные врата Победы он вошел в пустоту прежнего города, как в чрево матери. Самолеты бомбили Минск не только на советские, но и на религиозные праздники. В один из налетов бомба попала в собор, когда там шла пасхальная служба. Все, кто находился за линией фронта, считались врагами, а потому подлежали ликвидации. Минск был разрушен не только бомбежками, потери город понес и во время штурма в сорок четвертом. Но налеты внесли свою лепту в расчистку гигантской территории, на которой после войны началось возведение идеального Города для будущего идеального общества. Много лет позже вдова Вильгельма Кубе рассказала, что тот хотел построить к югу от Минска священный город Азгард, так как считал, что сакральная земля германских богов находилась где-то на территории нынешней Беларуси. По странной иронии, Город Солнца возводили именно немцы – пленные солдаты Третьего рейха, которые после войны до 1956 года работали на его стройках. Именно руками их бригад

создавались великолепные дворцы, величественные улицы и площади иного Азгарда, священного Города общества Счастья.

Дворец физической культуры

То, что Город Солнца воплотился именно в Минске, не было случайным капризом. Город, начавший свою историю с кладбища – с Немиги кровавых берегов – сам стал усыпальницей городов. На его территории родилось и ушло в небытие несколько минсков. В разные времена он становился то католическим, то православным, то иудейским, то барочным, губернским, советским, имперским. После каждой смерти Город возрождался не в продолжение прежней традиции, а как иной Город, где другими становились эстетика, быт, религия населения. Будто несколько волн кочевников приходили на это место, ставили поселение, а через какое-то время исчезали, забирая с собой свой Город, оставляя после себя только пыль культурного слоя, сгустки энергии в недрах да прах предков. Существовало ли более идеальное место для возведения идеального Города Великой утопии (острова, которого нет), – чем страна, которой нет, населенная народом, которого нет, в Городе, которого нет? Могло ли физическое тело Города Солнца найти еще более бестелесное место? Ведь в противном случае можно было воплотить идеальный Город. Иначе реальное тело города должно его отвергнуть, войти с ним в смертельное противоборство и либо

погибнуть, либо его задушить. Что и случилось в Москве. Главный проект идеального Города возводился, конечно, не в Минске. Москва – алтарь Великой утопии. Именно она должна была стать основным проектом Города Солнца. Минск же был важен лишь тем, что лежал на границе Империи, поэтому строился только как увертюра, прелюдия к Городу Солнца, как триумфальная арка, величественные врата к идеальному Городу. Однако в Москве создатели не сделали то, без чего его воплощение невозможно – они не убили тело старой Москвы. Не пустили под нож Кремль и таганки, Василия Блаженного и арбаты, петровки, покровки. Рука создателей дрогнула, ведь принести в жертву Мардуку следовало не просто Москву, но город своего детства. Это легко было сделать в Минске или любом другом городе Беларуси, где много лет Империя убивала города. Но полностью убить воспоминания собственного детства трудно, поэтому Москву уничтожали, сносили, пускали под нож лишь фрагментарно. Главный проект идеального Города утонул в теле старой Москвы, в ее эклектическом хаосе, где фрагменты Города Солнца – только вкрапления в тверские бульвары и патриаршии пруды, зарядья и столешниковы переулки. В Минске же преддверие к идеальному Городу воплотилось как цельное тело. Поэтому увертюра к идеальному городу и стала единственным реализованным Городом Солнца. Здесь.

31

И все же лучше въехать в Минск на машине поздним вечером, ближе к полуночи. В это время Город Солнца пустеет, но подсветка дворцов еще не выключена подступающим утром. Город выглядит особо торжественно и монументально. Искусственный свет подчеркивает важные детали, убирая во мрак все несущественное. Фасады дворцов кажутся негативами фотоснимков. Свет и тени меняются местами. Днем лучи, падая сверху, прорисовывают нижние тени. Теперь же они идут снизу, и тени величественно устремляются туда, откуда пришли, – в черную бездну ночного неба. Если возможно подобрать музыку к такому состоянию Города Солнца, это «Memorial» Майкла Наймана из фильма Гринуэя «Повар, вор, его жена и ее любовник». Если идти пешком по Городу Солнца, путешествие от западной до восточной границы длиною в восемь километров займет примерно часа полтора. На автомобиле можно преодолеть этот маршрут примерно за то же время, что звучит «Memorial», чуть меньше чем за двенадцать минут. Неспешно проехав по пустому проспекту, вдоль возвышенно-траурной череды поющих дворцов, вы проникнетесь непонятным влечением к этому Городу. Ощутите его некроромантический эрос. Вас коснется каменный взгляд его лиц: фасадов, взирающих из-под треугольных бровей множеством темных окон. В детстве проспект не имел такой пышной подсветки. Когда в Городе наступал вечер, он становился темным, мрачным ущельем, нависавшим над крохотными фигурками прохожих, бредших по нему в направлении Москвы или Берлина. По бокам проезжей части на одинаковых расстояниях друг от друга стояли фонари, сиявшие болезненным желтым светом. Когда человек шел по проспекту, он отбрасывал на тротуар две тени. Одна падала на восток, другая устремлялась на запад. По ходу движения тени менялись местами. Каждая из них то росла, то становилась совсем короткой. В месте, где фонари находились на одинаковом удалении, они совмещались. Но с каждым следующим шагом одна из них снова вытягивалась, а другая мельчала. Рекламы на проспекте тогда почти не было. Лишь редкие вывески ресторанов да нескольких магазинов горели в ночи неоновым светом. Над арками кинотеатра, что выходил на проспект, двигалась по фасаду длинная горизонтальная надпись. Буквы появлялись не одновременно, а последовательно, одна за другой. Первой выскакивала большая красная «Ц». Она загоралась справа и стремительно неслась к левой стороне здания. Затем выпрыгивала «Е», летела по фасаду и

пристраивалась за «Ц». За ней появлялась «Н» и спешно догоняла две первые. Буквы неслись с такой силой, что казалось, с размаху должны были сбивать те, что уже стали на место. Однако все они благополучно выстраивались в длинное, сиявшее красным неоном слово «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ», которое, померцав немного в ночи, исчезало.

Площадь Ворот

Тени улицы Ленина

Тени проспекта

Проспект. Дворец Центрального банка

Если коммунистическая утопия – это проект построения всеобщего счастья, то ее идеальный Город должен воплощать эстетику счастья, элементы которой зависят от представлений о счастье у тех, кто ее создает. Эстетика счастья государства

рабочих и крестьян связана с тем, чего ранее были лишены угнетенные массы: с образами красивой, достойной жизни. Человек идеального будущего должен жить не в лачугах, но в прекрасных дворцах, окруженных великолепными парками со множеством скульптур и фонтанов. Между дворцами должны быть проложены широкие улицы-аллеи, утопающие в зелени экзотических цветов и деревьев. В самых важных местах располагаются просторные площади, на которых могли б собираться счастливые жители Города Солнца. Главной улицей нового Города стал проспект, названный именем верховного бога Сталина, вскоре переименованный в честь другого бога – Ленина. Когда богов свергли, она стала проспектом Скарыны, затем Независимости. Однако наиболее правильным для нее было бы название проспект Солнца, так как проложена она с запада на восток и ориентирована на восход солнца, туда, где, по задумке, и должен был находиться главный алтарь – Город Солнца Москва. Длина проспекта сегодня около восемнадцати километров. К идеальному Городу относится его меньшая часть, отрезок в восемь километров. Важная особенность главной улицы Города в том, что в поперечнике она являет собой золотое сечение. На проспекте каскадом разместились гигантские площади – Мудрости (Ленина), Метафизики (Октябрьская), Виктории (Победы), Колосса (Коласа) и Любви (Калинина). Площадь Ворот Города Солнца немного в стороне от главной оси. Она венчает три улицы, идущие параллельно проспекту – Маркса, Кирова и Ульяновскую. У Кампанеллы Город Солнца имел семь окружностей. В солнечном Городе Грез всего шесть площадей. Это несоответствие объяснимо: семерка не его число. Если двигаться от площади Мудрости, самой большой из шести площадей, на восток, проспект начнется по правую руку от вас помпезным Дворцом почты. Миновав несколько великолепных дворцов для народа, по левую руку вас встретит Дворец госбезопасности. Он уходит в глубь города на целый квартал. На проспекте вы увидите его центральный портал, четыре непропорционально массивные колонны и ротонду на крыше, которую, как говорят, добавил к проекту председатель Госбезопасности Цанава, друг Берии. По слухам, Дворец госбезопасности имеет столько же этажей под землей и от него прорыт длинный тоннель в Пищаловский замок – Тауэр Города Солнца, старинную городскую тюрьму, возведенную еще в XIX веке. Рядом с замком торчит серый зуб – высотный архив Министерства внутренних дел. Одиноко возносясь на горе в двух шагах от проспекта, он завершает композицию замка, равнодушно поджидая своего землемера. Миновав еще несколько дворцов для народа и Дворец

Центрального банка, слева вы увидите Дворец ГУМа, сакральное место в Городе Солнца. Именно тут исполнялись желания. Пройдя еще два симметричных дворца, вы ступите на главную площадь. Все, что расположено здесь, – владения Метафизика. Раньше на площади стояла его гигантская статуя, теперь – его Дворец, бывший ранее Дворцом партии, а также Дворец республики, Музеи войны, Дворец профсоюзов, главный театр и Дворец офицеров. Во времена последней войны здесь же находилось место публичных казней. В старинном Александровском сквере, рядом с фонтаном «Мальчик с лебедем» стояли виселицы с партизанами. Тут же расположены гранитные трибуны, на которые поднимались вожди во время парадов. Правда, праздничные шествия проходили и на расположенной по соседству площади Мудрости. Тогда там рядом со статуей Ленина устанавливали временные трибуны, обтянутые красным кумачом.

33

В детстве я обожал праздники. Это потом они исчезли из моей жизни, превратившись в скучную необходимость ритуального сидения за столом, покупки подарков и общепринятые поздравления. Но в детстве они были настоящими. Уже задолго я ощущал их приближение, начинал считать дни, которые оставались до праздника, и с каждым отнятым днем мое ликование становилось все сильнее и сильнее. В стране Счастья имелось шесть главных торжеств – День революции, Новый год, День трудящихся Первое мая, День Победы, День мужчины и День женщины. Самым любимым праздником детей Города Солнца был, конечно, Новый год. Восторг от него усиливался двухнедельными каникулами, на которые нас отпускали из школы. К тому же на них выпадали три дня рождения. Первого января у Игоря Брандина, второго – у моей первой невесты Жанны, а пятого – у меня. Естественно, все эти дни мы ходили друг к другу в гости и объедались большими бисквитными тортами. Тем более что ходить было недалеко: все мы жили в одном подъезде. Больше всего мне нравилось бывать на дне рождения Жанны, где я был единственный мальчик среди множества девчонок. С детского сада мы были неразлучны, поэтому весь двор дразнил нас «жених и невеста». Возможно, мы на самом деле могли ими стать, но родители Жанны покинули Город Солнца намного раньше других еврейских семей, а из Америки она уже не писала. Из других торжеств я больше любил День революции и Первое мая. К тому же на День революции также выпадали каникулы. Седьмого ноября по телевизору всегда показывали военный парад и торжественную манифестацию трудящихся. Мать рано с утра уходила на демонстрацию, а я, еще до конца не проснувшись, радостно включал телевизор и, лежа в постели, наблюдал трансляцию с Красной площади. Вначале показывали военный парад. На экране появлялась Красная площадь. В торжественном предвкушении ровными прямоугольниками по периметру стояли войска, ожидая, когда на зиккурат Мавзолея взойдут Метафизик с соратниками. Но их еще не было. На экране время от времени появлялись главные часы страны Счастья – куранты на Спасской башне. Трансляцию всегда начинали пораньше, чтобы выдержать церемониальную паузу. Часы крупным планом опять показывались на экране. Минутная стрелка приближалась к десяти. Все с нетерпением ждали. Ровно в десять выходил Метафизик. В моем детстве его звали Брежнев. За ним появлялись Любовь и Мудрость, затем следовали

Мужество, Целомудрие, Правосудие, Усердие, Правдолюбие, Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист и так далее. Мощь в это время уже находилась на площади. Она приезжала на двух лимузинах с открытым верхом и после появления Метафизика начинала объезжать прямоугольники. Приблизившись к каждому, она приветствовала их. Те выкрикивали в ответ «гав-гав-гав», и Мощь двигалась дальше. Объехав периметр прямоугольников, она всходила на зиккурат и отдавала доклад Метафизику. Сразу затем начинался парад: прямоугольники приходили в движение, аксонометрия, так любимая мной, перемещалась по площади, параллелепипеды шествовали один за другим, исчезая за черной границей экрана. Время от времени в телевизоре крупным планом показывался Метафизик. В позе римлянина он приветствовал марширующие фаланги. Потом на экране появлялись машинки. На них стояли ракетки. За ними ехали танки. Затем шествовали большие машины. На них стояли большие ракеты. За ракетами обычно шли демонстранты. Они разрушали стройную геометрию аксонометрии и вливались на площадь разнородной пупырчатой массой, из которой торчали плоские прямоугольники с головами вождей, воздушные шарики и красные транспаранты. Иногда я сам бывал в этой массе. Время от времени мать брала меня с собой на демонстрацию. В такие дни мое ликование не знало предела. Вставали мы рано – часов в шесть или семь. Колонны формировались задолго до официальной трансляции, а нужно было еще добраться до места сбора. Центр Города для транспорта перекрывали, поэтому часть пути приходилось идти пешком. Мы выдвигались в колонне обувной фабрики. Добравшись до нужного места, мы встречали людей, излучавших неподдельную радость – для них это был действительно праздник. В назначенное время колонны с окраин начинали движение в сторону Города Солнца. Они шли с фабричных предместий, с этих гигантских тракторных, автомобильных, моторных, станкостроительных заводов, где работали сотни тысяч людей. Целью их был проспект, по которому одной бесконечной волной они собирались пройти через площади Города Солнца. Час или два боковыми улицами мы пробиралась к проспекту. Чем ближе он на нас надвигался, тем сильнее становилось возбуждение в колонне. Наконец, в районе Дворца госбезопасности шеренги обувной фабрики вливались в гигантский поток людей, который уже плыл по проспекту. Мы поворачивали на восток и двигались в сторону площади Метафизика, туда, где стояли трибуны. Чем ближе мы к ним приближались, тем восторженнее доносилось многотысячное «Ура-а!». Трибуны становились все ближе и ближе. «Урра-а-а-а!»

все громче и громче. И, наконец, когда мы придвигались вплотную, «Ура!» охватывало все вокруг и тебя самого. «У-урра-а-а-а!» – кричали колонны трибунам, на которых с улыбками стояли жрецы Города Солнца. Это была кульминация дня. Полный восторг и ощущение бесконечного счастья. Дальше, дойдя до площади Виктории, ряды рассыпались. Люди отправлялись по домам, где их уже ждали накрытые столы, ломившиеся от праздничного дефицита. К вечеру весь Город обычно становился пьян. На следующий день застолья продолжались, но эйфория потихоньку проходила. Праздник затихал. Ко Дню женщины и Дню мужчины я был равнодушен. Я не чувствовал в них торжества, может, потому что на эти дни не выпадали каникулы. День Победы я не любил, находя в нем что-то депрессивное. В этом празднике слишком многое напоминало о смерти. Задолго до Дня Победы по телевизору начинали показывать фильмы про войну. В них все время кого-то расстреливали, сжигали, закапывали. Над Городом уже стояло летнее солнце, но зелень парков после долгой зимы еще только начинала распускаться. В Городе было пыльно и как-то пустынно. На День Победы устраивали марш ветеранов. По проспекту к площади Виктории бесконечным потоком шли старики и старухи с кружочками и звездочками орденов на груди. Но мне почему-то всегда казалось, что от этой колонны веяло тяжелым трупным духом.

Площадь Метафизика

Тени проспекта – 2

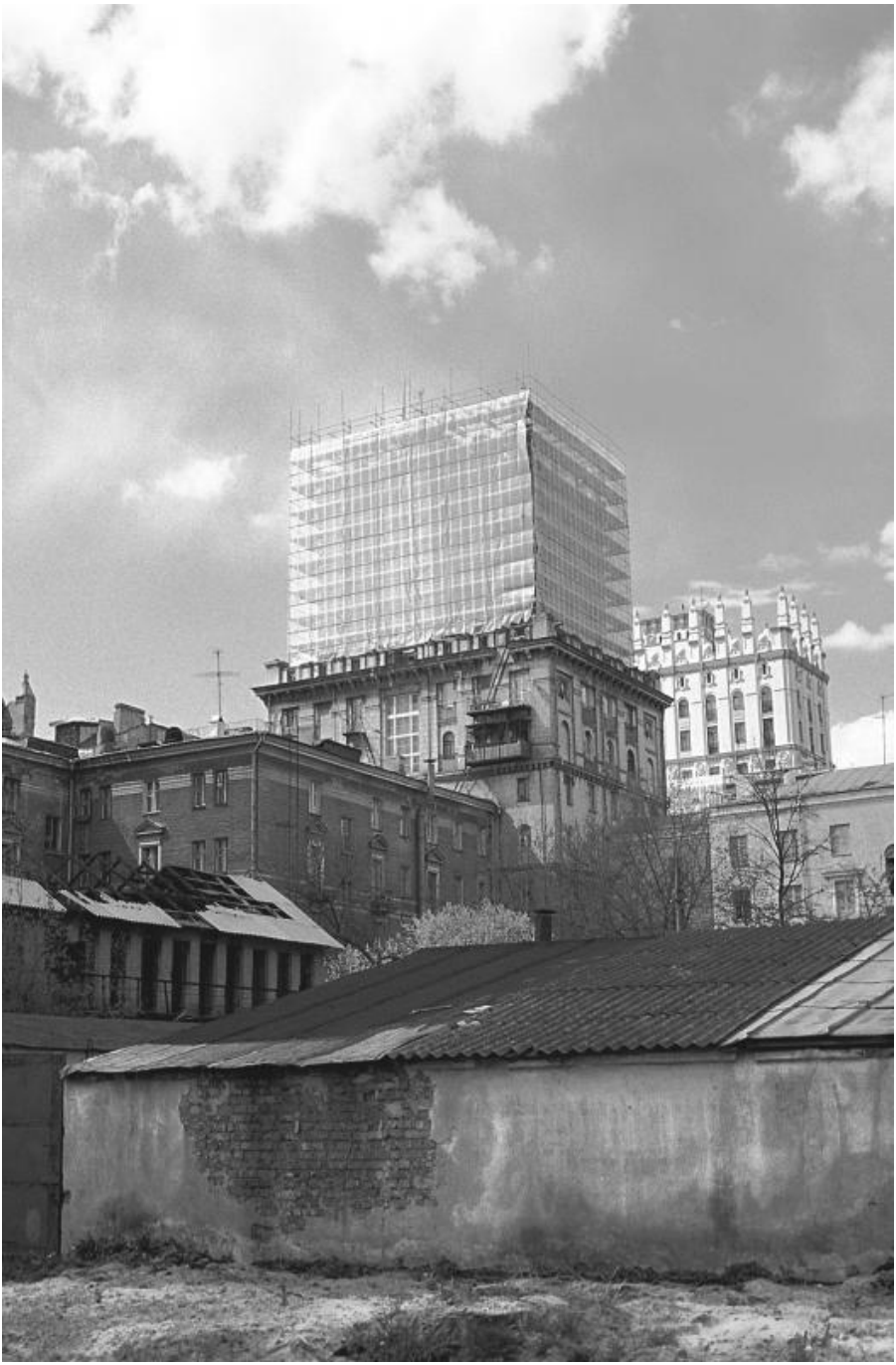
Если двигаться дальше, от площади Метафизика на восток, то, миновав еще несколько дворцов для народа и какой-то хмурый без вывески неизвестный дворец с передатчиками на крыше, вы попадаете в зону райских садов Города Солнца. Это его зеленая ось, которая тянется с юга на север, образуя с проспектом солярный крест. На ней вереницей, один за другим, расположились огромные парки. Проспект пересекает их двумя длинными балюстрадами. Через каждые двадцать шагов на них возвышаются белые, высотой в человеческий рост античные вазы. По правую руку от балюстрад располагается «колизей» для детей Города Солнца – круглое в плане здание цирка, обернутое колоннадой коринфского ордера. В этом месте проспект пересекает реку, которая, в наброшенном на нее ожерелье озер, течет через парки. Ближе к следующей площади она делает поворот, открываясь к проспекту. Там, на изгибе реки, вы увидите в глубине обитель Мощи – величественный Дворец генерального штаба. Чуть левее мрачным замком возвышается Опера. Это так и недостроенный до войны Большой театр, чем-то напоминающий увеличенный замок Святого Ангела в Риме. Пройдя мост через Свислочь, вы приблизитесь к другой важнейшей площади Города Солнца – Виктории. С запада ее окружают парки, с востока огибают дворцы для народа. В центре возвышается монумент в честь Победы – величественный четырехгранный обелиск, в основание которого вмурованы бронзовые барельефы с изображениями богов и героев последней войны. У обелиска пылает огонь во славу павших героев. Рядом с площадью расположен еще один важный символ Города Солнца: в ее глубине, ближе к парку, находится маленький домик, в котором в конце позапрошлого века прошел Первый съезд партии. В империи Счастья эта невзрачная хатка имела статус сакрального места, ведь именно тут родился младенец, совершивший через двадцать лет революцию. Если двигаться от площади Виктории дальше, то справа и слева от вас снова потянутся вереницы дворцов для народа. Это особые сооружения Города Солнца. Внешне они напоминают дворцы, но, по сути, не являются ими. Скорее, это маски, которые специально для вас, путника, нечаянно забредшего в солнечный Город, держат чьи-то незримые руки. За каждым дворцом раскинулся маленький парк. Раньше в них размещались скульптуры, фонтаны и эстрадные сцены, которых сейчас уже нет.

Мальчик, который едет на роликах по Городу Солнца

35

В детстве я мог недолюбливать площади и улицы, но уж точно любил дворы Города Солнца. В нем почти не встречалось колодцев, замкнутых каменных мешков, которые так распространены в Европе. Дворовая часть идеального Города не являлась замкнутой территорией, предназначенной только для обитателей дома, но, скорее, пространством, открытым для всех, местом, где протекала большая часть жизни Города. Каждый двор Города Солнца был спасительной заводью, где можно укрыться от палящего солнца его площадей, от его с укором взиравшей на тебя имперской архитектуры, от геометрии, в которой учли золотое сечение, но почему-то забыли принять в расчет тебя. Дворы Города были маленькими парками, ограниченными прямоугольниками кварталов. В каком-то смысле они являли собой протестные диагонали Города Солнца, альтернативу его жесткой правильной геометрии. Если нужно пройти из точки А в точку В, нет смысла добираться туда прямыми углами улиц. Зная, что каждый квартал – это полый прямоугольник, в который ведут несколько арок, можно войти с одного угла, пересечь двор по диагонали и выйти на другой стороне. Все обитатели Города пользовались таким способом преодоления его пространства. Дворы становились продолжением улиц, иногда настолько, что казались оживленнее, чем было задумано создателями Города. В Городе Солнца не могло существовать закрытого, приватного пространства. Частная жизнь не имела права на уединение и изоляцию. Любой уход от коллектива вызывал подозрение. Временами и посещение туалета не являлось частным делом. В больших коммунальных муравейниках – армии и пионерских лагерях, через которые проходили все граждане страны Счастья, – даже туалеты строились без индивидуальных кабинок. Правда, еще сохранялось разделение на женские и мужские. В моем детстве во дворах Города Солнца еще оставались фрагменты сценических декораций, поставленных, когда строился этот Город. Я помню эти странные гипсовые скульптуры, которые стояли среди цветочных клумб и зарослей придворцовых парков. Эти парки сильно отличались от больших парков Города Солнца, где правила геометрия аккуратно постриженной зелени, рассеченной аллеями и установленными в правильных местах фонтанами. В этих же сохранялась какая-то природная дикость, словно тот, кто их создал, вдруг о них забыл, оставив жить своей неправильной негеометрической жизнью. И они жили, обрастали кустами, сорняками, случайными сараями, непонятными

заборами и гаражами. В окружении полудиких кустов и сараев гипсовые скульптуры медведей с бочонками меда, оленей, маленьких мальчиков с книжкой в руках, женщин, ведущих за руку детей, выглядели по-особому трогательно. В них звучала какая-то душевная мелодия, совсем не похожая на солнечные пассионарные марши Города Солнца. В заросших придворцовых парках зависало состояние безвременья очеловеченных руин. Их псевдоантичные вазы, окруженные лопухами и зарослями сирени, словно попадали в неизвестное время из неизвестного места. Из-за высоких тополей на них смотрели суровые изнанки дворцов, глазницы редких ренессансных окон, прораставших прямо из неоштукатуренных кирпичных стен, модульоны оборванных на полуслове карнизов, проваленные крыши сараев, коринфские пилястры арок, ведущих на площадь. Вокруг них бегали дети с деревянными автоматами, ходили красноносые мужики с бутылками в руках, домохозяйки развешивали свежевыстиранное белье. Создавалось ощущение вечности и безвременья, руин цивилизации, время которой раскололось на фрагменты, и эти фрагменты стеклышками калейдоскопа собирались в причудливые узоры. Узоры эти были одновременно реальны и призрачны. К вазе можно было подойти, потрогать ее выбеленную шершавую поверхность, но она была иллюзорна, нереальна в своем явлении здесь, закинутая в одиночество этого странного Города из безымянной культуры неизвестного века. Из Цивилизации, которой нет, во Времени, которого нет.



Обороты дворцов. Башни площади Ворот

36

Долгой зимой жизнь во дворах затихала, становилась полусонным монохромным кино с черными фигурками людей, бредущих по белому снегу к массивным аркам. Она пробуждалась весной вместе с дурманящим запахом майской сирени и цвела, переливаясь на солнце, до первых хлопьев снега, прилетавших накануне Дня революции. Постоянных обитателей дворов можно было разделить на несколько групп. Первая – старухи Города Солнца. Они отличались от старух из пролетарских предместий, большинство из которых приехало после войны из деревень в город, который так быстро рос, что за десятилетие удваивал свое население. Эти же в основном были из местных, помнили времена Первого съезда и то время, когда трамваи еще ездили, запряженные в конские повозки. Старухи Города Солнца обычно сидели у подъездов на лавках и были такой же важной частью дворов, как античные вазы. С восходом солнца они уже занимали места в партере и, конечно, видели все, про всех все знали и, если попадался внимательный слушатель, охотно с ним делились. Время от времени места в партере пустели. Кого-то из зрителей выносили из черного проема подъезда в неправильном тетраэдре под фальшиво сыгранного Шопена. Однако на это место вскоре приходила другая старуха, и ничто в жизни двора не менялось. Другой группой были мамаши с колясками. Детей в то время в Городе Солнца рождалось немало, и мамаши с колясками еще не стали такой редкостью, как в наши дни. Они часами ходили вокруг ваз, о чем-то между собой шептались и исчезали в ранних сумерках. Следующая за мамашами группа – дети, которые шныряли в дворовых зарослях, лазали по крышам сараев, обстреливали из рогаток прохожих и портили вазы неприличными словами. Затем шли прохожие, которые через двор направлялись по своим делам, диагонально сокращая расстояния Города Солнца. К вазам, они обычно были равнодушны. Следующей разновидностью завсегдатаев были пьяницы. С открытием винных отделов они занимали скамейки с беседками, незанятые старухами и мамашами, и вели задушевные беседы о вечности и безвременье, о счастье и смысле, о справедливости и уважении, об острове, которого нет, во времени, которого нет. Вазы они уважали, но, если те стояли в правильном месте, охотно пользовались ими для отправления малой нужды. Последней группой были работяги дворов – дворники, сантехники, милиционеры, сборщики пустых бутылок. Эта группа всегда была неравнодушно настроена к пьяницам,

вступая с ними то в союз, то в открытый конфликт. Милиционеры время от времени устраивали на пьяниц охоту и, если те не успевали спрятать бутылки, портили им культурный отдых среди ваз и сирени. Сборщики бутылок зарабатывали на пьяницах деньги. В Городе Солнца это был большой бизнес. Между сборщиками шла борьба за дворы и зоны влияния. Вторжение чужака могло закончиться дракой. В огромном дворе на улице Ленина, в котором жил мой приятель, было два сборщика бутылок. Одну половину двора обслуживал Яшка-король бутылок, вторую – внучка Ленина. Неясно, почему внучка Ленина так себя величала, ведь Ленин детей не имел, но в спорах с милицией и конкурентами она всегда кричала: «Я – внучка Ленина!», что, наверное, должно было действовать на них устрашающе. В самом центре двора прямо на границе двух территорий стояла беседка, которая получалась как бы ничейной, но пользовалась особой популярностью уместных пьяниц. За включение ее в свою зону влияния между Яшкой-королем бутылок и внучкой Ленина шла настоящая война. Когда в беседке шел очередной разговор о справедливости и уважении, они, спрятавшись в кустах, выжидали нужный момент, чтобы завладеть оставшимися после трофеями. Часто это заканчивалось потасовкой. Не знаю, много ли они зарабатывали. Пустая бутылка тогда стоила двенадцать копеек, а буханка черного хлеба восемнадцать. Но через несколько лет труп Яшки-короля бутылок выловили в Свислочи. Говорили, он скопил огромное состояние. На улицах Города не встречалось бездомных и нищих. Если они появлялись, их забирали. Но стать богатым в Городе Солнца также было небезопасно.

Вазы под снегом

37

В Городе Солнца пили много. Почитание Вакха было вторым по важности после коммунизма культом в стране Счастья. Кроме шести основных, существовало еще несколько десятков мелких и профессиональных торжеств – день Конституции, день рождения Ленина, день смерти Ленина, день Космонавтики, Старый Новый год, день освобождения Города Солнца от немцев, День учителя, День металлурга, День шахтера, День сталевара, День тракторостроителя, просто День строителя, День колхозника и так далее. Отмечался также день собственного рождения, день рождения жены, день рождения тещи, дни рождения детей, дни рождения братьев, сестер, прочих родственников, дни рождения друзей, свадьбы родственников, свадьбы друзей, разводы родственников и друзей, похороны родственников, друзей и знакомых, поминки по ним на девятый день, поминки на сороковой день, поминки на годовщины смерти. Праздновался день получки, день аванса, первый день отпуска, возвращение из отпуска, уход в армию, возвращение из армии, поступление в институт, первый день картошки, последний день картошки, сдача экзаменов, окончание учебного года, окончание института, поступление на новую работу, первый день командировки, второй день командировки, последний день командировки, повышение по службе, победа и поражение любимой футбольной команды. Отмечался поход в театр, поездка на дачу, встреча с другом, которого давно не видел. Поводов выпить находилось бесконечное множество. Позже к ним присоединились религиозные праздники: два Рождества, Пасха православная и католическая, Радуница, Дзяды. А пили в стране Счастья все. Пили пролетарии. Пили колхозники. Пили студенты. Пили ученые. Пили поэты. Пили врачи. Пили спортсмены. Пили военные. Пили прохожие. Пили дворники. Пили сантехники. Пили милиционеры. Пили мужчины и женщины. Пили старухи из Города Солнца и старухи с рабочих окраин. Пили все метафизики, кроме последнего. Пила Любовь. Пила Мудрость. И Мощь тоже любила выпить. Пили боги Ленин и Сталин. Пили так, что у последнего метафизика сдали нервы. Тогда он объявил сухой закон. Но было поздно. Страна Счастья уже умирала, и авторитет Метафизика не имел той силы, что прежде. Все только озлобились, но продолжили пить.

Башни и дождь

Мой отец тоже пил. Он не был пьяницей из дворов Города Солнца. Он пил красиво, с размахом, с цыганами и катанием на пароходе по Волге. По тем временам он пропивал целые состояния. Люди, которых он брал к себе в компаньоны, потом, когда в Город пришел капитализм, открывали на заработанные деньги казино и рестораны. Он же вкладывал их в такое красивое и пьяное проживание жизни, какое только мог себе позволить. По-своему он был прав. В Городе Солнца некуда было вкладывать большие деньги, если они имелись. Все считались равны, и равенство строго следило за исполнением своих предписаний. Ты мог иметь не более одной квартиры. Разрешалось построить дачу, но она не могла превышать определенных законом сиротских размеров. Можно было купить машину, но вторую покупать уже не имело смысла. Зачем тебе парк ржавеющих «жигулей» и «волг»? Иначе дело обстояло в Москве, которая всегда была самым ушлым городом страны Счастья и находила лазейки в предписаниях небедно-небогатого равенства. В Городе же Солнца вкладывать деньги было некуда. Можно было, конечно, открыть подпольные цеха. Но этот бизнес приживался только в тех местах, где процветала коррупция. К тому же «цеховики» всегда

находились под угрозой тюрьмы и ареста. Можно было б вложить деньги в золото, но об этом следовало молчать, если человек не желал, чтобы его, как Яшку-короля бутылок, выловили в Свислочи. А что за прок от зарытых где-то на даче бочонков? Можно было б скупать антиквариат. Но моему отцу все это не подходило. Он вкладывал деньги в вино, в рестораны и женщин, в разгульную жизнь. Хорошо помню нашу первую встречу с отцом и вылетевшее вместо приветствия, взбесившее его слово «Подлец!», когда он вдруг неожиданно воскрес. Не то чтобы я не радовался его воскрешению. Просто сначала я даже не понял, кто это. Он ввалился в нашу квартиру на Ломоносова, когда я уже спал. Как раз незадолго перед тем в телевизоре появился веселый поросенок Хрюша и пожелал: «Споко-о-ойной но-о-о-чи!» Меня разбудил звук бьющегося стекла. Отец ругался с матерью в прихожей и рвался ко мне. Из соседней комнаты на шум выскочили квартиранты, два инженера из России. Время от времени мать сдавала комнату командировочным из других городов. Они пытались его успокоить, но рассвирепевший отец выкинул их и погнал вниз по лестнице. Пока он бегал за квартирантами по двору, мы с матерью укрылись в квартире у Брандинов. Когда приехала милиция, отец уже исчез, только командировочные сидели с мокрыми красными тряпками у разбитых носов. Следующее свидание с отцом было уже не таким бурным. Мы встретились через пару лет на Немиге, недалеко от места, где работала мать. Он пришел с другом, таким же известным в городе сибаритом Костей Сорокой. Отец был красив, элегантен и подарил мне набор дорогих кистей для занятия живописью. После этого мы часто с ним виделись. Я гордился своим отцом. В Городе он был человеком известным. Его знали и уважали почти все авторитетные воры. Его уважали бармены, официанты, продавцы в гастрономах, девицы с бульваров. Его знали и уважали спортсмены. Он сам был мастером спорта по боксу. Его уважали художники, артисты, просто люди богемы. Отца всегда окружали такие же свободные прожигатели жизни, с деньгами и без них, хотя чаще вторые. Пропивать большие деньги в одиночку было трудно и скучно, поэтому он поил всех без разбору: барменов и официанток, художников и спортсменов, девиц с бульваров и старух Города Солнца, сборщиков бутылок и пьяниц из беседок. Поил дворников и сантехников, милиционеров и случайных прохожих, мужчин и женщин. Поил пьяниц всего дома, квартала, района. Много лет позже мне было жаль его, когда, после автокатастрофы, отец потерял былой кураж вместе со здоровьем. Он уже не зарабатывал таких денег, как когда-то в стране Счастья, а жил только на инвалидную пенсию, но так и не

избавился от прежних барских привычек. Он пропивал пенсию за пару дней с толпой незнакомых людей, которые исчезали, как только деньги кончались. Такая жизнь угнетала его. В старости отец продал квартиру, купил дом в деревне и навсегда уехал из Города Солнца.

Дворец науки

Если двигаться от площади Виктории дальше, по правую и левую руку от вас по-прежнему будут тянуться вереницы дворцов для народа. Пройдя километр, вы встретите еще одну гигантскую площадь – площадь Колосса, названную в честь главного классика белорусской литературы. Вообще-то, в Городе Солнца было два поэта-гиганта, Купала и Колас. Но первого Госбезопасность в 1943_м скинула с десятого этажа гостиницы «Москва» в столице Империи, поэтому первым стал Колас, а Купале поставили памятник в сквере напротив цирка. То, что такая огромная площадь названа в честь литератора, говорит о том, что в империи Счастья слово было важнее реальности. По центру ее возвышается памятник в честь служителя Каллиопы в окружении музы со скрипкой – Эвтерпы, и Ареса – Аполлона с винтовкой. Напротив находится филармония – Дворец Полигимнии. За спиною Колосса начинается улица, что ведет к храму Гермеса, гигантскому чреву Комаровского рынка. На площадь выходит Университет физкультуры – символ конструктивистской эпохи. Его шесть тяжелых квадратных колонн разделяют две улицы, под углом уходящих к востоку. Когда от площади вы двинетесь дальше, то вновь попадаете на территорию Мудрости. По левую

руку от вас начнется гигантский ансамбль Дворца политехники. От проспекта уходят кварталы его факультетов, в которых готовили инженеров для работы в фабричных предместьях. Чуть дальше вас встретит полукруглая величественная колоннада Дворца науки. Напротив него Академия муз. Талантливых юношей здесь обучали создавать декорации для империи Счастья. Миновав еще несколько дворцов для народа, вы ступите на последнюю площадь Города Солнца. Это зона Любви. Как-то так получилось, что в империи Счастья Любовь была наименее важным из всех соправителей Метафизика, поэтому здесь нет особых дворцов. Справа от площади берут начало два парка: Челюскинцев и Ботанический сад. В центре возвышается памятник в честь Любви, служившей при Метафизике Сталине. Добрый старичок в очках – Калинин – любил всех, но ничего не мог сделать даже для собственной старушки-жены, которую Метафизик отправил в концлагерь.

40

Я не любил Город Солнца, зато любил его Эрос. В детстве я этого не осознавал, но когда подрос, понял, почему отец никогда не мог остановиться. Такого количества юных красавиц я не встречал ни в одном другом городе мира. Его улицы всегда были наполнены этим особым видом хрупких, но изящных цветов. Может, им благоприятствовала земля, усердно политая кровью. Это не были розы – вид популярный в «Плейбое». Они не походили на крепких, но быстро увядающих бутонов южных красавиц. Рубенс, с его любовью к пышным хризантемам, наверное, тоже не нашел бы здесь вдохновенья. Скорее это были цветы Бодлера – декадентские орхидеи на тонких изящных стеблях. Позже этот вид стал популярен у модельеров и начал представлять дома Версаче, Шанель, Валентино, Армани на дефиле в Милане и Париже. Но в Городе Солнца они обильно произрастали повсюду, цвели естественной жизнью, буднично шествовали по подиумам его улиц, наполняя Город тонким ароматом соблазна. Как и все цветы, орхидеи Города Солнца любили лето. Зимой они замыкались, прятались в пальто и шубки. Зато когда приходило лето, они распускались, заполняли улицы, дворы, парки и цвели среди ваз, аллей и фонтанов. Они дополняли декадентскую эстетику улиц сладкой эстетикой распутства. Без них Город был бы другим. В нем не хватало б цельности стиля. Полноты ощущения упадка с присущим ему языческим эросом, не обремененным пуританскими нормами воздержания. В стране Счастья не было разврата. Но все им занимались, только скрытно. Любовь с орхидеями была делом несложным. Они отдавались ей охотно из чувства. Это потом, когда в Город пришел капитализм, они начали оценивать вас через содержимое кошелька и выезжать в страны, где кошельки весили больше. А в то время они были, как цветы, открыты. Достаточно восхититься ими на улице, обаять – и они были ваши. Сорвать орхидею можно было везде – в магазине, театре, баре. Но вероятность встретить ее была значительно выше на улицах и скверах, примыкавших к проспекту. И, конечно же, на самом проспекте, куда, надев самые соблазнительные наряды, они стекались со всего Города и, без всякого дела дефилируя по нему, с удовольствием собирали похотливые взгляды прохожих. Когда-то конкуренцию им составляли гипсовые орхидеи – полуобнаженные Венеры, которые, с веслами в руках прятались в зарослях парков. Наверное, образ Венеры с веслом очень нравился Метафизику, поэтому они стояли во всех городах

империи Счастья. Скульптор, который ее слепил, сделал это очень натуралистично. Венера с веслом полнилась плотью, проступавшей сквозь слои штукатурки или масляной краски. К сожалению, как и любая плоть, гипсовые Венеры были не долговечны. Помню, последняя из них еще стояла в парке Челюскинцев в конце семидесятых. Но потом исчезла и она.

41

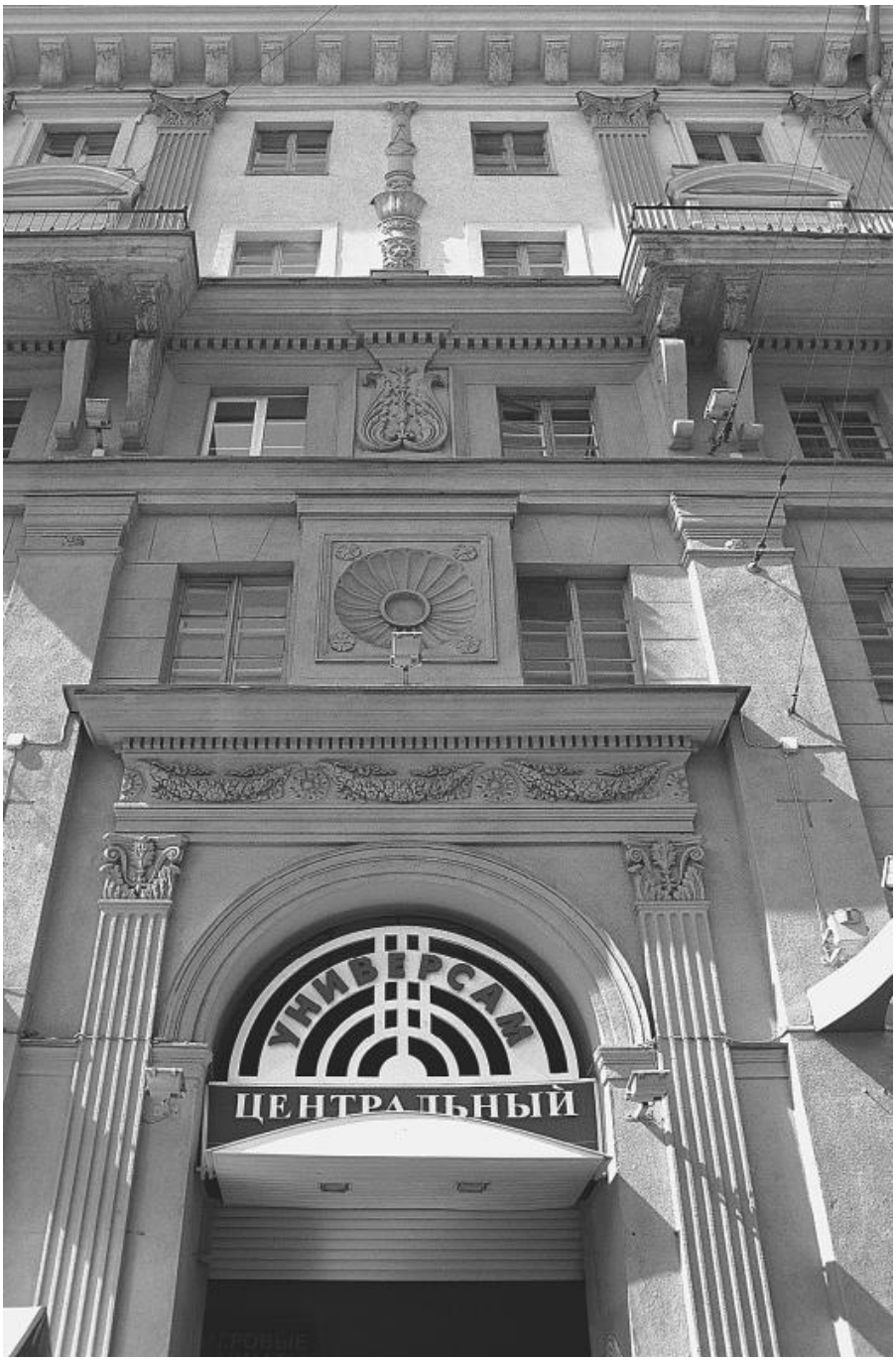
Орхидеи Города Солнца также были подвержены увяданию, но, в отличие от гипсовых, на их месте всегда вырастали новые. Важнейшим из орхидейных мест Города был бульвар у Феликса, который тянулся от Дворца госбезопасности к амфитеатру Дворца физической культуры. Официально улица называлась Комсомольской, но в начале бульвара стоял бронзовый Цветок зла – памятник Феликсу Дзержинскому, человеку из предместий Города Солнца, который основал аппарат Госбезопасности, за что вошел в пантеон наиболее почитаемых бого-героев страны Счастья. Бронзовый бутон железного Феликса почему-то всегда манил не только орхидей Города Солнца, но и всякую непонятную публику, с которой их знаменитый земляк, будь он жив, расправился бы с огромным революционным сладострастием. К счастью, памятник Командору революции, руки которого, как говорили, были по локоть в крови, предусмотрительно обрезали по локоть. Из мраморного постамента торчала лишь грудь с головой, да и то всегда обильно засранная местными голубями. Зато вокруг Железного Командора располагалось множество питейных заведений. Позже к ним прибавились круглосуточные магазины, поэтому летом жизнь на бульваре у Феликса не стихала всю ночь, ненадолго замирая лишь перед рассветом. Но уже ранним утром на его скамейках снова появлялись какие-то подозрительные персонажи, которые с заблудившимися в рассвете немного подвядшими орхидеями пили пиво, купленное в ближайших гастрономах. В полукилометре от Дворца госбезопасности располагалось другое орхидейное место – улица Ленина. От улицы Маркса она разрасталась широким тенистым бульваром под старыми тополями, пересекала проспект и тянулась до Интернациональной. На бульваре стоял еще один бронзовый безрукий бутон. Правда, не Ленин. У Ильича всегда имелась хотя бы одна рука, чтобы указывать путь к коммунизму. То был памятник летчику, который геройски погиб, кажется, столкнувшись в воздухе с самолетом японского самурая. Центральную часть бульвара составляли два высоких, облицованных охристым камнем, симметричных дворца для народа. Между ними пролегала известная всему городу «стометровка», на которой жизнь не затихала даже в морозы. Начиналась она в павильоне популярной пивной, построенной большевиками на месте снесенного ими костела Святого Духа. Затем перебиралась в ресторан «Потсдам» – богемное заведение,

известное в народе под названьем «Поддам». Потом перекатывалась через улицу в стекляшку «Пингвин», место, где собирались хиппи Города Солнца, а также заезжие пиплы из других городов Союза. Далее следовала в популярное орхидейное заведение, которое почему-то именовали «Помойка». Перепрыгивала через проспект в ресторан «Неман» – обитель командированных дядек в недорогих серых костюмах, с усохшими от стирок кургузыми штанами и дерматиновыми дипломатами в руках. Рядом находилась «Пиццерия», собиравшая всех – командированных, орхидей, волосатых пиплов, уголовников, богему и просто людей с автобусной остановки. Заканчивалась она в «Утюжке» – маленьком уютном кафе, где орхидеи были особенно свежи и прекрасны. Но главным питейным заведением бульвара на Ленина был сам бульвар. Его скамейки под тополями, которые в союзе со скамейками соседних дворов, где орудовали Яшка-король бутылок и внучка Ленина, и несколькими винно-водочными магазинами образовывали гигантский питейно-развлекательный комплекс. Среди орхидей бульвара на Ленина встречалась особая разновидность – герлы, цветы тусовки, орхидеи-хиппи, считавшиеся самыми продвинутыми орхидеями Города. Они увлекались дзеном, читали Сэлинджера, Борхеса, Воннегута, Гамсуна, Кобо Абэ и предпочитали алкоголю наркотики, которые тогда только начинали проникать в Город Солнца. В состав питейного комплекса входило еще одно место неподалеку от бульвара – «Дом масонов», приютившийся в развалинах Верхнего города. В этих кварталах якобы велась реставрация, но шла она медленно. Поэтому пустые коробки домов годами оставались беспризорными руинами, в которые обитатели бульвара отправлялись, если хотели курнуть или заняться любовью. «Дом масонов» стоял особняком на окраине. В XVIII веке здесь располагалась масонская ложа, позже запрещенная указом какого-то императора. Сразу за домом начинался крутой обрыв к реке, обильно заросший беспризорной сиренью. Если хотелось уединиться и вдохнуть воздух старого Минска, мы отправлялись к «Дому масонов». Говорили, что в этом заброшенном особняке водились привидения. Правда, я их здесь не встречал, но это место действительно обладало какой-то дивной энергией, пронизывающей тебя и герлу-орхидею, с которой ты целовался, стоя над пропастью в зарослях сирени.

42

Местом, где ночью и днем вы могли повстречать, обонять, обаять, купить любые цветы была площадь Ворот. Здесь они цвели в таком изобилии, какое только можно представить в Городе Солнца. Орхидеи, пьяные орхидеи, пышные и увядшие розы, хризантемы, ромашки, тюльпаны, экзотические амариллисы, гортензии, одуванчики, незабудки. В обилии водились здесь и цветы в горшках – герани, фикусы, щучьи усы, примулы, азалии, магнолии, огоньки, алоэ и всевозможные кактусы. Здесь предлагали приезжим и местным пирожки с мясом и капустой, кефир, пиво, лимонад, вареную картошку, жареных цыплят, соленые огурчики на закуску. Прежде герани с магнолиями продавали водку и сигареты. Во времена сухого закона на площади Ворот находился крупнейший в Городе нелегальный бутлегерский рынок. Ночью старухи Города Солнца из-под полы торговали огненной водой и освежающим пшеничным напитком. Продавали их и в других местах Города – в его чреве на Комаровке, у станций метро. Но здесь велась самая бойкая и круглосуточная торговля. Фикусы, гортензии, азалии с водкой всегда можно было узнать по их деловитому виду и матерчатым сеткам. Милиционеры время от времени их гоняли, но делали это скорей для приличия. Старухи подкупали блюстителей порядка все той же водкой и небольшими чаевыми от прибыли. Орхидейных садов имелось в Городе множество. Самым известным считалась Парковая магистраль – местный Лас-Вегас, где позже открылись отели, казино, бутики и рестораны. Орхидеи на Парковой предлагали любовь за деньги. Они собирались в гостинице «Юбилейная», построенной там, где когда-то стояла единственная в Городе мечеть. Позже они выбрались и на улицу, предлагая себя просто вдоль магистрали. В сквере у «Мальчика с лебедем» между улицей Энгельса и Дворцом офицеров водились экзотические орхидеи-мужчины, или нарциссы. В теплое время года они гнездились в глубине сквера, ближе к павильону общественного туалета. На зиму нарциссы перебирались во Дворец почты, где в помпезном круглом зале с колоннами тусовались среди граждан, отправляющих бандероли и телеграммы. Во множестве произрастали орхидеи и в райских садах Города Солнца, в парках, которые зеленым диаметром пересекали Город. В сквере у «Мальчика с гранатой» даже имелся зал для встреч. Памятник, стоявший в безлюдной части парка, плотным периметром окружали высокие туи. За них время от времени отправлялись беспризорные пары насладиться любовью в

большом вечнозеленом зале рядом с бронзовым мальчиком, грозившим небесам тяжелой гранатой.



Фасады дворцов для народа

Город Солнца был городом дворцов. По стилю они делились на дворцы, построенные до войны, и те, которые появились в сороковые-пятидесятые. Довоенные легко узнавались по серому цвету и приземистой монументальности. Они крепко стояли на земле коренастыми лапами и смотрели на всех бультерьерами, готовыми прыгнуть и разорвать каждого проходившего мимо. В их осанке угадывалась скрытая сила того времени, когда страна Счастья была крепка своей верой. Крепка настолько, что Метафизику достаточно было сказать: кровь – это вино, – и все не только верили, но впадали в упоительное опьянение от выпитой крови. Как ни странно, довоенные дворцы Города Солнца не пострадали во время бомбежек. Самолеты, прилетавшие на праздники с «подарками» от Сталина, их не трогали. Хотя они были самыми большими и заметными объектами Города. Нацисты, которым нравилась эта близкая им архитектура, размещали в них различные учреждения оккупационных властей Третьего рейха. На старых послевоенных фотографиях все они возвышаются серыми мрачными замками над руинами Города. Среди довоенных дворцов попадались настоящие шедевры своего времени – Дворец офицеров или Дворец мудрецов. Некоторые из них по разным причинам так и не были достроены. Грандиозный проект Дворца знаний – Библиотека имени Ленина – остался без высотного корпуса книгохранилища и читательских павильонов с летними садами. А Дворец оперы – Большой театр, который возводили как версию эпохального, но нереализованного в Москве проекта Дома Советов, – вместо четырех цилиндрических ярусов имеет три. Четвертый ярус должна была венчать шестидесятиметровая статуя Сталина. Говорят, ее не поставили из опасения, что дальнобойные гаубицы с границы, которая тогда проходила недалеко от Города, смогут прямой наводкой стрелять по фигуре верховного Бога. Дворцы, строившиеся после войны, были другими. Они ушли от жесткого, но правдивого стиля и уже символизировали собой не мощь, а изобилие. Они действительно походили на рог изобилия, из которого на фасады дворцов сыпалось все, сотворенное за предшествующие тысячелетия. Присутствовал здесь Древний Рим, Греция, Древний Египет, ренессанс, барокко, классицизм, оккультные знаки. У строителей Утопии не возникало сомнения в том, что эстетика счастья должна вобрать в себя лучшие достижения всех цивилизаций. Фасады послевоенных дворцов представляли странные кружева, где в замысловатых узорах сплетались барочные фронтоны и пятиконечные звезды. Рог изобилия, античные вазы, коринфские, тосканские, ионийские ордера и египетские обелиски. Балюстрады, медальоны, урны, розетки, ложные балконы и окна,

серпы и молоты, масонские циркули. Послевоенные дворцы, как и положено в Городе Солнца, были желтого цвета. Они несли различные его оттенки, начиная от едва заметного лимонного до насыщенной охры. Когда в Городе шел дождь или наступала долгая зима, своим цветом дворцы все равно символизировали Солнце. Они словно утверждали, что это Город именно Солнца, хотя сейчас его нет. Даже если солнца никогда больше не будет, он все равно останется им, Городом метафизического, а не реального солнца.

Дворец оперы

44

В молодости, поступив на архитектурный, я полюбил гулять по Желтому Городу. Здесь я открывал множество странных, сюрреалистических композиций, близких тогда моему ощущению мира. В Желтом Городе я находил для себя бесчисленное количество загадок. Он представлял собой ребус, казалось, созданный тем, кто сам не осознавал своего творения. Словно создатель этого Города был только медиум, рукой которого водила какая-то высшая сила. Разгадывать загадки невидимой руки, построившей эти странные лабиринты, было увлекательно и забавно. Монументальность Желтого Города то подавляла, то вдруг дивным образом рассыпалась в сентиментальности. Пространство, которое должно держать зрителя на дистанции, неожиданно ломалось во множестве мест, становилось близким и сомасштабным. Величественные архитектурные формы, как в сюрреалистической картине, то уменьшались до настольных размеров, то снова вырастали до гигантских. Декорации постоянно сменяли одна другую. Через шикарную, богато обрамленную арку ты попадал в скромный двор, единственным украшением убогих неоштукатуренных стен которого становились вереницы стеклянных скворечников, построенных жильцами по своему вкусу и представлению на месте балконов. Но уже через сто метров путешествия по убогому двору другая монументальная арка выводила тебя на гигантскую площадь, где коринфские колонны гипертрофированных размеров отбивали маршевый шаг по тротуарам среди лилипутов-прохожих. Бесконечное изменение планов создавало в Городе множество зон иррационального, нелогичного, того, что давало почувствовать себя путником, проникшим в ожившие лабиринты романов Кафки или Элиаса Канетти. Мне нравилось вглядываться в фасады Желтого Города. Находить несуразности, незаметные случайному прохожему, но очевидные человеку, изучающему логику архитектуры. Мне нравилось выискивать в тексте этого Города странные зашифрованные послания, отправленные неизвестно кем неизвестно кому. Находить дверные проемы, проникнуть в которые мог бы только маленький человечек, но декорированные порталом, предназначенным для величественного монументального входа. Обнаруживать странные лепнины, вдруг прораставшие на неоштукатуренной кирпичной стене. Пилястру, внезапно появлявшуюся там, где ее, в принципе, быть не должно. Балконы без входа, пустыми зрачками смотревшие в небо. Находить целые композиции, как на фасаде Дворца телевидения,

где монументальная колоннада, похожая на колоннаду храма в Луксоре, приставлена к конструктивистскому телу, из которого робко прорастает барочный портал, напоминающий силуэт церкви Иль-Джезу в Риме. Или маленький палаццо на углу улицы Маркса и Комсомольской, на конструктивистский фасад которого одна над другой нанизаны миниатюрные коринфские колонны, а аскетичный входной проем обвивает замысловатый, в стиле рококо, орнамент. Бродя по интеллигибельным лабиринтам Желтого Города, среди этих дивных дворцов под кобальтовым с ватными облаками небом, я открыл красоту, которую не видел в детстве. Странно, но она открылась лишь тогда, когда страна Счастья оставила меня навсегда.

Двор у площади Ворот

45

Когда-то Город Солнца наполняли скульптуры богов страны Счастья. Встретить их можно было повсюду – на фасадах и в интерьерах дворцов, на площадях, в парках и скверах. Свергнув прежних – христианских, мусульманских, иудейских богов, – Утопия создала собственный двухярусный Олимп из демиургов и бого-героев. венчал пирамиду Великий коммунист. Потом шли Великий рабочий, Великая колхозница, Великий строитель, Великий солдат, Великий ученый, Великий космонавт, Великий сталевар, Великий шахтер, Великий хлопковод, Великий тракторист, Великий комсомолец и дальше к подножию. Это были демиурги-творцы страны Счастья. В Городе Солнца существовал еще местный культ Великого партизана, героя войны с гигантами Третьего рейха. Обычно скульптуры демиургов ставили на фасадах дворцов, а их плоские изображения в мозаике, сграффито, росписи и чеканке помещали на стенах. Во втором, высшем, ярусе обитали персонифицированные бого-герои. Возглавляли иерархию великий Ленин и великий Сталин. Правда, в моем детстве великого Сталина уже низвергли, но в стране все равно оставались люди, которые продолжали ему поклоняться. Скульптуры великого Ленина устанавливали на площадях. В интерьерах помещали бюсты и скульптуры поменьше. В кабинетах аппаратов Метафизика, Мощи, Мудрости и Любви висело множество его портретов. Правда, люди из Госбезопасности предпочитали портрет Дзержинского, худощавого человека с острой бородкой и заостренными ушами. В палате персонифицированных богов имелось несколько немцев – великий Карл Маркс и великий Фридрих Энгельс, скульптуры которых, правда, не в таких количествах, также устанавливали на площадях. Кроме того присутствовали на Олимпе Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Клара Цеткин. Но им памятники ставили редко, скорей, давали их имена улицам. Называли улицы в честь всех богов – демиургов и бого-героев. Особенно много посвящалось их Ленину. Когда уже не оставалось не названных его именем проспектов и площадей, вспоминали другие псевдонимы или настоящую фамилию Ленина и называли ими. Когда и их не хватало, давали его имя дворцам, заводам, библиотекам и университетам. Были в стране Счастья и маленькие демиурги – великие пионеры и великие октябрята, скульптуры которых помещали в скверах и парках. Но, как и венерам с веслом, им повезло меньше всех. Слишком близко стояли они к людям, поэтому им первым отбивали носы,

обламывали уши и руки. Ведь каждому варвару приятно оторвать ухо богу, если он знает, что за это не будет наказан.

Боги Города Солнца. Солдат

46

В стране Счастья мой отец делал на богах деньги. Когда я поступил на архитектурный, он и меня привлек в этот семейный бизнес. Мой отец с бригадой изготавливали изображения богов и всевозможную наглядную агитацию для колхозов, расположенных в дальних предместьях Города Солнца. Ваяние богов давало приличный доход. За оформление большого колхоза отец брал десять, пятнадцать, двадцать пять тысяч рублей. В то время, если человек получал в месяц двести рублей, это считалась хорошей зарплатой, за три месяца работы отец имел столько, сколько другой зарабатывал за два года. Мы делали все: чеканки, витражи, памятники, росписи, сграффито, рисовали лозунги и плакаты. Если отец чего-то сам не умел, то приглашал художников, которые могли это сделать. Выезды на халтуры открыли мне другую жизнь. До этого я не имел представления, что такое деревня. Я редко покидал Город Солнца. А если это и случалось, то уезжал я все равно в другой город. Деревня была для меня терра инкогнита, которую я стал познавать лишь в качестве странствующего подмастерья ваятеля бого-героев страны Счастья. Здесь я тоже находил свои прелести. Тут также росли сельские орхидеи, нравы были проще, а самогон чище. Хотя на выездах мы сильно не пили. Отец не давал команде распускаться, да и работали мы с рассвета до позднего вечера. Всем хотелось побыстрей «нарубить чемодан капусты» и отправиться с ним обратно в этот сладкий манящий Город, на его бульвары, к герлам, в «Потсдам», к «Дому масонов». В то, что мы делали, отец никогда не верил и всегда добродушно посмеивался над болванами, готовыми платить за это. Хотя всю наглядную агитацию мы изготавливали с настоящей немецкой добротностью. Думаю, еще и сейчас наши сграффито, витражи и чеканки сохранились где-то в сельских дворцах культуры и клубах. Но встречались среди странствующих боговаятелей и настоящие халтурщики. С ними связано много веселых историй, ставших классикой жанра. Про Ленина, которому по пьяни изваяли две кепки, одну на голове, другую в руке. Про Ильича, у которого указующий к коммунизму палец сделали в виде эрегированного члена. А Ленины, показывающие дорогу в винно-водочный магазин, еще и сейчас можно встретить на площадях райцентров. Мне же больше всех запомнилась история про летающего Ильича. Говорят, в каком-то колхозе к октябрьскому празднику решили поставить ему памятник. Пригласили бригаду боговаятелей. Те попросили аванс. Но вместо того чтобы взяться за работу, они со

всей бого-богемной страстью принялись аванс пропивать – у бригады случился запой. Когда же до праздника Революции оставалось несколько дней, поняли, что сделать памятник никак не успеют. Но деньги уже пропиты, да и хочется получить остальное. Тогда боговаятели решили немного надуть деревенских дурачков. Расчет был несложный: сделаем памятник из другого материала, а когда он развалится, мы будем уже далеко. За пару ночей они собрали памятник Ленину из пенопласта. Покрасили, как положено, бронзовой краской. Ночью установили Ильича на центральной площади, накрыли тканью, по периметру повязали ленточки. Утром на открытие пришла вся большая деревня. Собрался президиум – председатель колхоза, парторг, инженеры. Из центра на торжество приехал сам первый секретарь райкома. Он же и ленточку перерезал. Стянули ткань. Стоит Ильич – красивый, ладный, рукой путь к коммунизму указывает. Все счастливы, радуются, торжественные речи о революции говорят. Дело было осенью. Погода стояла неважная. Внезапно налетел резкий порыв ветра, да и сдул Ильича. Полетел Ленин над деревней и вытянутая рука его, к коммунизму путь указующая, совсем с курса сбилась. То на север, то на запад, то на восток, то на землю, то на небо показывает. Долго еще всей деревней Ильича ловили, да за боговаятелями гонялись, чтобы протрезвить тумаком промеж глаз.

Изнанки дворцов

Дворцы для народа в Городе Солнца не были дворцами, а только символически их обозначали. Они создавали иллюзию: рог изобилия был приставлен к конструктивистскому телу, которое имело одну или, в лучшем случае, две дворцовые стены, выходившие на проспект. Они охватывали здание лишь в тех местах, которые можно было увидеть с улицы. Как только видимые с проспекта части заканчивались, изобилие мгновенно обрывалось. Помпезные лепные карнизы, коринфские ордера и оконные сандрики тут же становились серой кирпичной стеной. Они оказывались плоскими дворцами, по сути, дворцами-стенами. В городе-увертюре к Городу Солнца, который должен был появиться не здесь, а семьсот километров дальше на восток, не было необходимости детально прорабатывать главную тему. Ее следовало лишь наиграть, обозначить пунктиром, символически заявить. Город являл лишь въездные врата к истинному Городу Солнца. Поэтому значение имело лишь то, что мог увидеть путник, входивший в эту помпезную Триумфальную арку. То, что находилось с другой стороны, которую он не видел, было не важно, поэтому изнанки дворцов даже не штукатурили. В лучшем случае они имели фрагменты декора, которые помещались просто

на кирпичной стене. Декадентское изобилие форм рисовали только на одной стороне листа. Как только ты его оборачивал, открывалась дивная сюрреалистическая картина – бесконечные коридоры плоских дворцов, декорации, построенных в одну стенку. Шаг в сторону – и ты попадал в другую реальность. Коринфские и ионийские ордера, тяжелые карнизы и монументальные арки мгновенно исчезали. Оставались только серые, неоштукатуренные стены, сиротского вида балконы с бельем и немудреными пожитками, монотонный ряд черных окон – настоящая правда жизни. Какие-то люди, совсем не похожие на счастливых жителей Города Солнца, словно персонажи с полотен Брейгеля, куда-то брели, неся за плечами свою маленькую драму. Драму, которая здесь, в этих тихих придворцовых парках становилась заметней, чем по ту сторону стены-сцены, где ее заглушала маршевая поступь римских колонн, египетских обелисков, греческих ваз, каменных изваяний богочеловеков мифологии всеобщего Счастья. Город Дворцов оказывался городом стен, городом плоских анфилад изобилия, предназначенных лишь для того, чтобы восхищенно смотреть на них.

48

Город Солнца был городом художников и поэтов. Для создания великолепной декорации счастья страна нуждалась в людях, способных талантливо это сделать. В Городе находилось несколько академий муз, в которых обучали мастерству боговаяния, секретам высокого стиля, умению сочинять песни и марши. Не все, кто из них выходил, занимались сложением гимнов. Кому-то было противно ваять богов, а хотелось стать свободным художником. Кто-то, наоборот, хотел бы слагать, но не мог, как мой отец, найти общий язык с людьми из канцелярии Метафизика или хотя бы с председателями колхозов. Кто-то просто спился, так и не успев ничего создать. Но в любом случае художников и поэтов было в Городе много, гораздо больше, чем приходилось на такое же число пролетариев в любой другой стране. Город Солнца не любил своих гениев. Ему нужны были люди, которые работали бы только на его гениальность. Других он душил, унижал, выкидывал из себя. Спастись гении мог лишь уехав из этого Города. Такова была традиция этой земли. Спасались, реализовывали свою гениальность лишь те, кто уезжал, как Марк Шагал или Хаим Сутин. Кто не сбегал – умирали неизвестными гениями. На бадье с квашеной капустой, как Алексей Жданов, или с похмелья, как Анатолий Сыс. Кого-то, как Михоэлса, просто сбивала на улице машина. Городом загубленных гениев называл его Ким – гуру и учитель многих здешних поэтов. Ким Хадеев, имя которого значило – Коммунистический Интернационал Молодежи, был из тех людей, которые никогда не жили в стране Счастья и не верили в ее плоское изобилие. В пятидесятых годах еще студентом он с университетской трибуны призвал к свержению Метафизика, за что несколько лет провел в психушках страны Счастья. Однако, когда началась оттепель, Ким вернулся в Город, где основал свою академию муз. В академии Кима не велось регулярных занятий по греческой мифологии или философии права, но сотни людей, которые за много лет через нее проходили, получали то, что не мог дать ни один университет Города Солнца. Академия Кима размещалась у него дома, на втором этаже невысокого длинного барака, построенного еще пленными немцами. Небольшая квартирка ютилась в квартале, начинавшемся сразу за одной из помпезных анфилад изобилия, неподалеку от площади Виктории, в послевоенном районе, застроенном одинаковыми двухэтажными желтыми зданиями под высокими крышами. Поднявшись по деревянной лестнице наверх, ты попадал в длинный полутемный

коридор, пахнущий котами и всегда заваленный каким-то старым хламом. С двух сторон в него выходило множество дверей. Чем-то он напоминал огромную коммуналку. Сразу за дверями начинались отделенные от коридора микроскопическим тамбуром комнаты жильцов, из которых неслись звуки и запахи здешней жизни. Можно было всегда безошибочно определить, за какой дверью сегодня овощное рагу, а за какой – на ужин жареная рыба. За какой дверью живет многодетная семья, а за какой сегодня, также как и вчера, опять пьют и дерутся. Квартира Кима состояла из комнаты, маленькой кухни и туалета. Комната была заставлена высокими стеллажами с множеством книг, всегда под потолком затянутых паутиной. По центру стоял круглый стол, рядом диван и кресло хозяина, в котором обычно сидел Ким с неизменной заправленной в мундштук сигаретой в пожелтевших прокуренных пальцах. На кухонном полу лежал матрац, на котором тоже всегда кто-то сидел, пил или спал. Когда меня впервые привели к Киму, я волновался. К тому времени я уже много слышал о нем, знал, что это абсолютно необычная личность. Кима, правда, в квартире не оказалось. Расположившись на матраце кимовской кухни, мы открыли бутылку вина и стали его дожидаться. Когда Ким вернулся, я увидел небольшого роста худощавого старика с бородкой, немного напоминавшей бородки с портретов классических бого-героев. Радостно поприветствовав нас, – а Ким всегда искренне радовался появлению новых, незнакомых ему людей, – он достал из авоськи баночку сметаны, и принялся ее есть, черпая ложкой прямо из банки. При этом он взялся обсуждать достоинства и недостатки нового романа какого-то русского писателя, имя которого я никогда раньше не слышал. То, с какой простотой Ким говорил о сложных вещах, прихлебывая из банки сметану, время от времени капавшую ему на одежду, потрясло меня. Хадеев был человеком невероятных знаний. Периодически он подрабатывал тем, что писал за деньги научные диссертации. Сам он, естественно, никаких степеней не имел, но за свою жизнь написал для других двадцать пять кандидатских и пять докторских диссертаций на самые разные темы. Причем первую из них – по психиатрии – он сделал для главврача психбольницы, в которую его упекли за призыв свергнуть Метафизика. Квартира Кима была одним из тех мест, где в лабиринтах, скрывавшихся за фасадами изобилия, начиналась реальная жизнь. Здесь никто не говорил, что кровь это вино. Кровь называли кровью, а вино вином. И, конечно же, крови предпочитали вино, которое всегда рекой лилось в Академии Кима. Рекой, впадавшей в бездонное озеро споров, дискуссий о поэзии и литературе, о театре, искусстве,

обществе и философии. Круглые сутки квартира Кима была заполнена людьми, которые шли сюда – кто с новым романом, кто с только что написанными стихами, кто со сценарием, кто с орхидеями, кто просто с идеями и вином. Ким всех принимал, хотя его жизнь становилась похожа на быт в многолюдной коммуне, где вряд ли возможно уединение. Много лет он писал две книги. Одну по философии, которую назвал «Двоичность», и сказку, похожую на притчу о стране Счастья. Многих, кто к нему приходил, Ким называл гениями. Были и те, кто считал его дьяволом, искушающим души юных поэтов. Скорее, он их пробуждал, жалел и старался помочь. Наверное, зная, что рано или поздно этот Город их сожрет. Как в один сентябрьский день сожрал и его самого.

Панорама Города Солнца. Две стеллы

49

Чем больше отдаляешься от проспекта на север или на юг, тем заметней изменение характера декораций. Коридоры изобилия начинают распадаться на осколки. Плоские, но все же цельные декорации фрагментируются. Стены-дворцы постепенно превращаются в дворцы-окна. Здания уже не создают иллюзию дворцов, а лишь символически их обозначают. На фасаде остается только отметка, клеймо, предназначенное сообщить, что перед нами именно Дворец. Таким клеймом может быть несколько богато оправленных окон, лепной портал, или просто пилястры, что помещаются на неоштукатуренной стене, порой в самых неожиданных местах здания.

Желтый Город постепенно превращается в серый, где серым становится даже кирпичный цвет его стен. Появляется ощущение, что автор, создавший это произведение, сделал хорошую проработку центра композиции, но края полотна оставил в виде эскиза, нанеся лишь несколько экспрессивных мазков. Анфилады изобилия угасают, становятся все менее объемными, все более плоскими, не такими помпезными, а, наоборот, скромными и убогими. Вместо великолепных дворцов остаются пустые кирпичные коробки с правильной геометрией черных окон. Но два или три оконных проема, обычно те, что выходят на улицу, сохраняют богатство обрамляющего их декора. Эти странные дворцы-окна категорически заявляют о своем высоком происхождении, требуют к себе пиетета. Но правда уже очевидна. Она не прячется за изнанкой дворца, а смотрит на вас из окна рядом, уже не стесняясь демонстрировать свою наготу прямо на улице. Создается ощущение фантасмагории, гигантской декорации к какому-то странному спектаклю. Реальность подменяется сценографией, а сценография растворяется в реальности. Город дворцов тает на глазах, угасает, мельчает. Чем дальше отдаляетесь вы от центра, тем больше он уходит в серые кирпичные сумерки. Временами можно набрести на небольшой его всплеск: одиноко стоящий дворец-стену, кем-то забытую вазу, скульптуру в парке или длинный лепной забор с кочанами гипсовой капусты. Но реальность неумолима. Город становится все более и более иллюзорным, он исчезает.

Дворец-окно

50

Мы все по-разному покидали страну Счастья. Кто-то никогда в ней не жил, кого-то выселяли насильно, а кто-то сам оставил ее, когда она умирала. Я же покинул ее намного раньше своих сверстников. Я рос в еврейском квартале, а евреи всегда почему-то хотели уехать из Города Солнца. У них были родственники в другом мире, которые в письмах рассказывали об изобилии, совсем не похожем на наше изобилие из гипса. Потом появился отец, потом дядя Ришард, друг матери, который ненавидел страну Счастья. Затем я стал находить другие книги. Потом появилась Вильня. Я полюбил Вильню с первого вздоха. Ее воздух напоминал запах Немиги, любимого города детства, наполненного ароматом каминного дыма. Вильня находилась совсем близко от Города Солнца, всего каких-то сто семьдесят километров пути, три часа на неторопливом утреннем поезде – и ты уже вдыхал аромат первой чашки кофе в Вайве, кавярне неподалеку от костела Святого Яна. Мы выбирались в Вильню без каких-то специальных дел на выходные, чтобы просто прогуляться по ее старым улицам, попить вина в тихих двориках. Не спеша выкурить сигарету в подворотне на Gorkio, наблюдая за неторопливо шествующими мимо прохожими. Сходить к ручью под горой Гедимина, к дикому заросшему месту с дивной энергией и бесчисленным количеством улиток в барочных платьях, медленно поднимавшихся по стволам старых деревьев. Этот город был таким непохожим на наш. В нем жила тишина и спокойствие его вечных стен. Но из этой тишины доносился едва заметный, проникавший в самую глубь тебя, зовущий голос. Это был голос крови, бессонница крови. Бессонницы кровавые берега манили тебя, взывали, хотели тебя пробудить. Немига возвращалась в Вильне, в нашей древней столице. Ее подземные воды несли кровавую правду. Ту правду, которой она устилала свои невидимые подземные берега. Она взывала испить эту чашу похожей на вино красной воды. Испробовав ее горечь, бессонница правды возвращалась, лишала сна, делала тебя несчастным в осознании несправедливости. Горькая вода Немиги в твоей крови требовала, взывала, жаждала торжества справедливости, путь к которой лежал через свободу, обрести которую можно было лишь в братстве.

51

В Вильне началось пробуждение. Пробуждение, которое несло кровавую правду реальности. Пространство пустынной земли заполнялось городами, событиями, людьми, унесенными водами подземной реки. Открытия следовали одно за другим. Каждое было жестоким и ужасным. Правда Литвы фрагмент за фрагментом восстанавливалась в нашем сознании. Появлялись новые люди, которые тоже хотели знать правду. Правда Империи поила нас водой из другой реки – Леты, в которую должны были кануть ее преступления, совершенные здесь за столетия. Нам не хотелось больше пить эту отравленную ложью воду. Мы искали другие книги. Этих книг было мало. Слишком долго Империя сжигала их и убивала людей, которые могли их написать. Книги, что доходили до нас, набирались на машинке с редких оригиналов, какие-то печатались с негативов на фотобумаге. Я и сам с моим новым другом Змитером Савкой тиражировал их. В старших классах я понемногу начал заниматься фотографией. У меня был фотоувеличитель и все необходимое для фотопроцесса. Мы запирались в ванной комнате квартиры на Червякова и, сидя в крохотном черном пространстве под красной лампой, с негативов печатали книги. Сотни страниц текста на фотобумаге небольшого формата. Я помню, как они появлялись из-под воды – буквы, слова на белом листе. Вначале едва различимые, затем они проступали отчетливей, набирали силу и, наконец, становились черным текстом на белой бумаге. Раз, два, три, четыре, пять – щелчок затвора увеличителя, и в ванночку с проявителем в маленькой подпольной лаборатории, затерянной в сотах Города Солнца, отправлялась следующая, пока еще белая, страница правды, которую мы искали. Вода, в которую падал лист, была водой Немиги. Она призывала невидимые слова проступить из пустоты страницы, лежавшей в темноте комнаты, освещенной светом кровавых берегов. И они вновь появлялись, черные и жестокие, как правда. Раз, два, три, четыре, пять… Я больше не ходил на демонстрации и не смотрел по телевизору парад на Красной площади в День Революции. У нас появились свои праздники – Купалле и Гуканне весны, шедшие от древней традиции этой Земли. Гуканне весны мы справляли в марте. Большой снег уже покидал Город, оставаясь лежать окаменевшими пятнами в местах, куда не проникало солнце. Мы садились в электрички и отправлялись на старое замчище в Заславле, от которого сохранились земляные валы и чудом уцелевшая кальвинистская кирха. Мы выбирались за Город тайно,

хоть ничего преступного не совершали, а только пели древние песни. Но уже то, что мы собираемся и говорим по-белорусски, было крамолой, бунтом против страны Счастья. В ней всегда присутствовали люди, говорившие на *мове* — писатели и артисты. Хоть Империя смотрела на них с подозрением, время от времени проряжая их ряды и закапывая кого-нибудь в лесу за Городом Солнца, но все равно они были нужны для создания декорации счастливой жизни народа. Нас же она считала националистами. Мы говорили на белорусском не по службе, а потому что так хотели. Мы все родились в Городе Солнца, но были неблагодарными его детьми. Мы готовили бунт против этого Города. Сырым, прохладным весенним днем на засыпанных руинах древней культуры мы пели старинные песни и звали весну прийти в этот Город, вернуться на эту землю. Нам было шестнадцать, и мы искренне ликовали, что этой весной среди уходящих снегов под пасмурным небом нас уже десять, двадцать, тридцать, пятьдесят.

Пищаловский замок и его архив

52

Страна Счастья умирала долго. Вначале она долго болела. Душа – вера людей – постепенно ее покидала. Потом стали умирать метафизики, один за другим, так быстро, что мы не успевали привыкнуть к новому, а по телевизору уже опять показывали «Лебединое озеро». Почему-то именно этот балет показывали всегда, когда уходил Метафизик или кто-то из верховных жрецов страны Счастья. Наверное, «Лебединое озеро» было Стиксом метафизиков, подземной водой, забиравшей их души. Если утром ты включал телевизор и видел белых балерин на черном, значит, в стране кто-то умер. Впервые я увидел маленьких лебедей, танцующих на иглах кремлевских звезд, когда умер Брежнев. Его смерть заканчивала большую эпоху. Начиналось тревожное ожидание неизвестности. Никто еще не знал, что страна Счастья умрет, но все предчувствовали неминуемую развязку, наступающую катастрофу. Начинался финальный акт пьесы под названием Счастье. Гроб с Метафизиком установили в Центральном Колонном зале Дома союзов, по старой традиции страны Счастья – прощаться с богами именно здесь. Тут оплакивали Ленина, здесь рыдали над телом Сталина, тут расставались с Брежневым. В телевизоре периодически появлялось изображение Дома союзов. Камера захватывала фасад вместе с площадью перед ним, по которой людской поток тянулся к черному прямоугольнику входа. Над ним висел огромный портрет Метафизика. Нижний правый угол портрета отделяла широкая черная полоса. Лепной фасад Дома союзов также украшали вертикальные черные ленты и траурные знамена. Затем на экране появлялся Колонный зал. Гроб установили на сцене в окружении траурных драпировок и массивных коринфских колонн. Его периметр усыпали цветы революции – черные, цвета запекшейся крови, гвоздики. К телу попеременно выходил караул – люди в повязках, чтобы постоять в траурной вахте. Это были его соправители – Мудрость, Мощь и Любовь, Мужество, Правосудие, Целомудрие, Усердие, Правдолюбие, Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист и другие. Когда камера давала Метафизика крупным планом, на экране появлялось его полное восковое лицо, походившее на посмертную маску. Метафизик жил так долго, что его лицо давно было похоже на посмертную маску. Стояла поздняя осень. Несколько дней перед тем страна отпраздновала последний осенний праздник – День революции. Поэтому люди, шедшие к гробу, были одеты в

одинаковые серые пальто. Возможно, там присутствовали и другие цвета, но в экране моего телевизора все давно стало серым. Кто-то плакал, кто-то грустил, все были несчастны. Нескончаемо долго шел поток серых пальто под мелодию маленьких лебедей, танцующих на остриях красных звезд. Потом на экране возник катафалк – артиллерийский лафет, обтянутый черным бархатом с серой бахромой. Гроб Метафизика медленно и торжественно выплыл из проема Колонного зала. Процессия тронулась в путь – последний путь всех метафизиков. Он лежал через реку смерти Стикс – Красную площадь – к Кремлевской стене, откуда они уже не возвращались. Медленно и торжественно процессия переплывала Красную реку. Метрономы в парадных мундирах отбивали ритм рядом с гробом. Их пружинные механизмы задавали темп всей процессии. Маятники ног касались площади в такт, издавая монотонное, размеренное: тик-так, тик-так, тик-так. Перед гробом плыли серые квадраты атласных подушек, на которых лежали белые ордена Метафизика. Множество, десятки квадратов с маленькими звездами в центре. Медленно и торжественно один за другим двигались они перед телом Хозяина. За ними руки в черных перчатках несли черные гербы в траурных лентах с диадемами скорби. За гербами плыл катафалк, украшенный портретом Хозяина в черной оправе. За гробом, сгорбившись в скорби, шла семья Метафизика. За ними в каракуле шествовала Любовь, Мудрость и Мощь. Затем шли бобровые шапки. Следом ондатровые. Кроличьи шапки безмолвно стояли по периметру площади. Медленно процессия приближалась к Кремлевской стене, к кладбищу богов, раскинувшемуся по обе стороны Каабы страны Счастья – темного пирамидального камня с мумией Ленина, пророка, ставшего Богом, внутри. Гроб с Метафизиком плыл к черному параллелепипеду в земле, находившемуся у самой стены, в окружении острых конусов серых елей. Когда процессия прибыла, случилось нечто, заставившее на мгновенье вздрогнуть всех сидевших у телевизоров. Метрономы, отбивавшие ритм, вдруг дали сбой. Когда гроб опускали в параллелепипед, веревка в белой перчатке одного из участников церемонии соскользнула. Еще мгновенье – и гроб рухнул бы в могилу. В следующую секунду ритм поправился, и тело Метафизика медленно погрузилось на дно. Но все поняли, что это дурной знак. Однако поправить уже ничего было нельзя. Когда гроб с Метафизиком опустился в могилу, в предместьях завыли трубы заводов. Они взревели в предместьях всех городов. Долгий мучительный крик облетел пространство этого осеннего дня. Он пронесся над притихшим проспектом, над парками, над пустынными

площадями Желтого Города. Предместья Города Солнца рыдали. Они прощались со страной Счастья.

53

Когда вы уедете из Города Солнца, неважно на чем, вас удивит странная пустынность этой Земли. Но вначале за вашей спиной останутся гигантские площади, помпезный проспект, стены и окна-дворцы, две симметричные пирамиды ворот. На башнях восемь безмолвных хранителей Города сделают вид, что не заметили вашего отъезда. Парки на прощанье помашут секундными стрелками огромных часов. Кинет взгляд, облегченно вздохнув, геометрия площади Мудрости. И статуя Ленина украдкой скосится вам вслед. Если вы покинете Город летним вечером после знойного дня, вам в спину повеет горячий влажный воздух с моря, которого здесь нет. Если зимой – в вашей памяти запечатлится пронзительная черно-белая чистота этого странного Города, затерянного в одиночестве там, где кончается Европа и начинается континент, уходящий вдаль к океанам. Заводские предместья вновь повернутся коридорами длинных заборов, старых пакгаузов и складов. Равнодушно пробегут на восток новостройки. Потом вы въедете в пустое пространство под удивительным небом, где трудно встретить человека. Несколько сот километров до границы вас будут окружать только золотые поля и облака вечнозеленых крон сосновых лесов. В детстве меня пугала пустынность этой земли. Позже я открыл в ней красоту, которую не видел прежде. Ее пустота завораживает человека, уставшего от перенасыщенного пространства Европы. Не покидает ощущение чьего-то присутствия. Это похоже на чувство, которое испытываешь, входя в древний собор. Пространство этой земли – незримый готический храм, пронизанный энергией поколений людей, молившихся в нем, людей, которые видели это небо, жили и умирали под ним.

Это похоже на пустую сцену, с которой вынесли декорации, но неслышные отзвуки сыгранного перед вашим приходом спектакля все еще зависают в ее пронзительной тишине. Храм, которого нет. Страна, которой нет. Народ, которого нет. Город, которого нет. Остров, которого нет. Место, которого нет. Утопия.

54

Я родился в Городе Солнца. Был ли я счастлив в нем? Наверное, да. У каждого человека есть свой Город Солнца – детство. А для него не важно, где ты родился. Был ли я счастлив в стране Счастья? Наверное, да. До той поры, пока верил в нее. Мы верили в эту чудесную сценографию, воздвигнутую на границе утопии и реальности. Декорацию, которая скрывала от Утопии жестокую правду распада Реальности, а для Реальности создавала иллюзию воплощения Утопии. Общество Счастья могло осуществиться только как эстетика Счастья, как грандиозная, но плоская сценография между Утопией и Реальностью, через величественные колоннады которой зияла лишь пронзительная пустота острова, которого нет. Мог ли Город Солнца возникнуть в другом месте? Наверное, нет. Он мог появиться только на выжженной земле, в пространстве, расчищенном от культуры. И, наверняка, не в хаосе демократии. Идеальный город Утопии должен иметь одного автора, великого архитектора, дирижера. Имя ему – диктатура. Мог ли Город Солнца не быть декорацей? Наверное, нет. Зритель, для которого она предназначалась, был не тот, кто жил в этих прекрасных плоских дворцах, а человек, въезжавший в Утопию через эту триумфальную арку. Человек, который, пройдя через эти имперские Врата, через этот город одной улицы, сложенной из двух многокилометровых дворцовых стен, должен был пасть ниц перед грандиозностью и великолепием Империи. Мистическая справедливость истории в том, что этот город действительно стал вратами в Утопию. Город Солнца возник на месте загубленных городов как декорация к возвышенной романтической пьесе. К пьесе про людские мечты и их несбыточность, про город Счастья и его недостижимость. Это миф про Сизифа и миф про Икара, летящего к Солнцу, которое одаривает его смертью. Страна Счастья умерла, но остался солнечный город Грез – грандиозная сценография к пьесе под названием «Счастье». Я родился и живу в Городе Солнца, на Бессонницы кровавых берегах.